

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

ВЫДАЮЩЕЙСЯ

ПАСТЫРСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

БЫВШАГО НАСТОЯТЕЛЯ

МОСКОВСКАГО

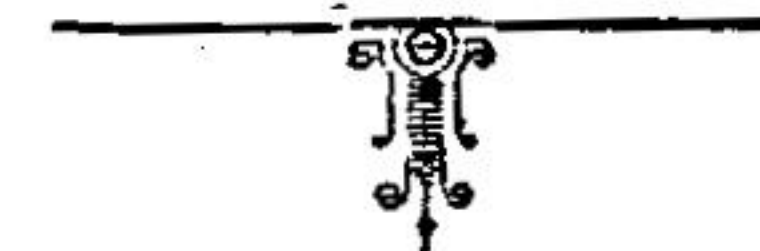
ПРИДВОРНАГО АРХАНГЕЛЬСКАГО СОБОРА

ПРОТОІЕРЕЯ

В. Н. Амфитеатрова.

Протоіеріи Алексаніи Амфитеатрова.

МОСКВА,
Типографія Ф. Н. Филатова, Колокольная пер., д. Молочница
1910 г.

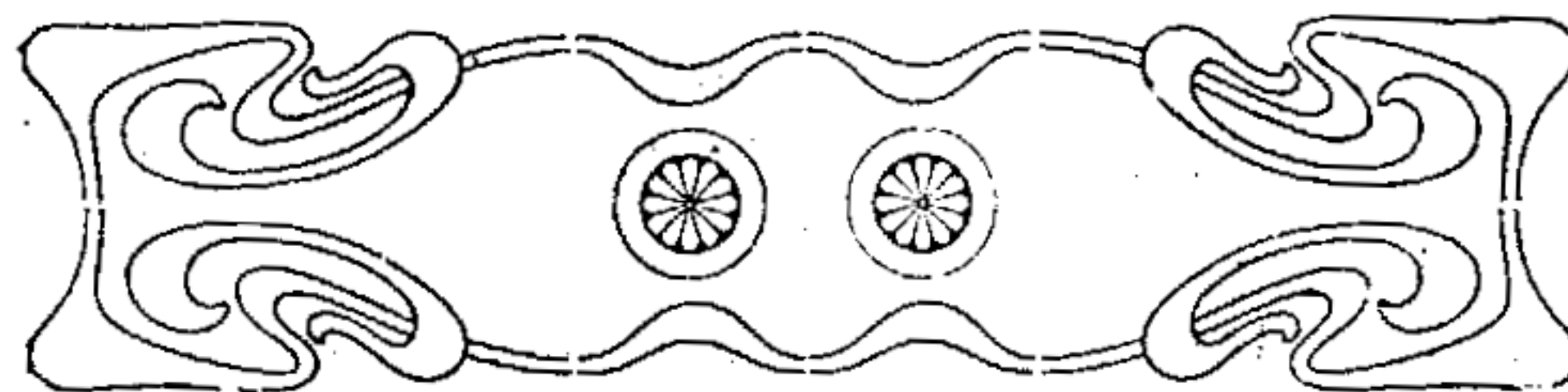
Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Цензоръ Архимандритъ Александръ.
С. Пб. 15 Декабря. 1909 года.

Приступая къ такому великому дѣлу, какъ описанію духовной дѣятельности незабвеннаго пастыря—протоіерея Валентина Николаевича Амфитеатрова, я, прежде всего, горячо прошу Господа вразумить меня, чтобы какимъ-нибудь необдуманнѣмъ словомъ или выраженіемъ не оскорбить его памяти. Вполнѣ сознаю, что не моему плохому разуму братья за это дѣло. Личность горячо любимого всѣми батюшки—настолько была глубока и духовно-величественна, что не просто смертному воспѣвать ее. Но какъ сей пастырь и при жизни былъ отечески снисходителенъ ко всѣмъ, то, я думаю, что и теперь онъ проститъ меня, что я недостойная взялась за это дѣло. Невозможно молчать о великихъ дѣлахъ милости и славы Божьей; невозможно не познать, сколь благъ и милостивъ Господь, который неустанно печется о спасеніи всѣхъ. Онъ посылаетъ въ міръ достойныхъ пастырей, осѣняетъ ихъ особенной своею благодатью и проявляетъ черезъ нихъ чудодѣйственную силу Своего всемогущества и всевѣдѣнія.

Для удобства раздѣляю свои записки на 2 части. Въ первой части буду говорить вообще о духовной дѣятельности пастыря и о послѣднемъ періодѣ его земной жизни, причемъ указаны мною болѣе выдающіеся случаи его провидѣнія и исцѣленія. Во второй же части помѣщены мною частные случаи его благотворенія, при чемъ обозначены отдѣльныя личности и цѣлыя семьи имъ облагодѣтельствованныя.

А. 3.

Часть первая.

Подъ крестомъ— мой могила
На крестѣ— мой Любовь.

Скончался батюшка! Угасъ на землѣ великій свѣтильникъ, для того чтобы вѣчно, не угасимо сіять и красоваться на небѣ, въ пресвѣтломъ раю, у престола Вседержителя. Но стало отца-благодѣтеля несчастныхъ, слрыхъ, безпріютныхъ, одинокихъ! Тысячи людей рыдаютъ, оплакивая дорогого, незабвеннаго пастыря—наставника! Да! горька, нестерпимо горька такая великая утрата для всей земли русской!

Скончался батюшка, и полетѣли повсюду горестныя телеграммы, извѣщая объ ужасномъ горѣ самыя отдаленныя страны, самыя глухіе уголки. Проникла повсюду печальная вѣсть, что не стало того, кто спасалъ и поддерживалъ тысячи людей; не стало того, кто своей непоколебимой вѣрой въ Го-

спода продолжалъ дивное дѣло апостольскаго просвѣщенія людей; не стало того, кто своей горячей любовью къ ближнимъ, не жаля ни силъ, ни здоровья невидимо проливалъ кругомъ благодать обновленія и чудеснаго исцѣленія.

Сколько опасно-больныхъ исцѣлялись силою его святыхъ молитвъ, его великой чудесной помощи!

Стоило только написать батюшкѣ и попросить его помолиться о страдающемъ или страждущей, какъ сейчасъ же получалось облегченіе и выздоровленіе, поражающее часто своей чудесностью даже самыхъ опытныхъ и извѣстныхъ врачей!

Сколько черствыхъ, окаменѣлыхъ, озлобленныхъ сердецъ согрѣвались, обновлялись силою его великаго благословенія, силою его пастырскаго слова.

И невѣры, и изувѣры, и отщепенцы часто падали и преклонялись передъ мощью его горячей вѣры, его пламенной чудотворной молитвы и должны были сознаться, что ихъ пошлыя мнѣнія и убѣжденія, ихъ искаженные идеи и представленія тускнѣютъ и уничтожаются при его словахъ вразумленія и наставленія.

И все тихо, втайнѣ совершалъ этотъ пастырь: онъ избѣгалъ славы и старался выставить себя самымъ обыкновеннымъ, простымъ человекомъ.

Многіе не понимали его, осуждали, видя

его особенныя, непопятныя для нихъ дѣйствія, а онъ между тѣмъ незамѣтно продолжалъ свое великое дѣло: изъ нетвердыхъ, шаткихъ разнузданныхъ натуръ, благодаря его неустанному труду и любвеобилію, создавались крѣпкія христіанскія души, воспламененныя великой, горячей любовью къ Господу. Эта горячая любовь раскрывала имъ небесный міръ, указывала имъ на иное высшее назначеніе; и въ нихъ начиналась тяжелая, и славная борьба духа съ плотью, и происходила великая побѣда духа Христова, и зарождалась жизнь во Христѣ и радость по Бозѣ.

Недавно исполнился пятидесятилѣтній юбилей славной дѣятельности великаго пастыря.

50 лѣтъ, изо дня въ день, онъ трудился на Божьей нивѣ, спасая людей, ни минуты не зная себѣ покою, вѣчно бодрствующій всѣхъ любящій, всѣхъ охраняющій.

И со всей обширной русской земли стекался къ нему народъ. Приходили юныя дѣвицы въ самомъ расцвѣтѣ здоровья и красоты, живущія въ вихрѣ мірскихъ удовольствій, мірскаго соблазна. Посылаемая Провидѣніемъ Божиимъ, онѣ сразу озарялись небесной благодатью пастырскаго слова и, сбросивъ съ себя всю свѣтскую мишуру, все пошлое пристрастіе къ мірскому тяготѣнію, устремлялись на истинно-христіанскіе подвиги и бодро шли на дѣло духовнаго служенія ближнимъ. О какъ счастливы были эти юныя созданія!

Еще не испорченныя пошлымъ вѣяніемъ

свѣтской суеты, онѣ всю свою горячую преданность приносили своему великому наставнику, который силой своей отеческой благодати вырывалъ ихъ такимъ образомъ изъ тяжкаго оута свѣтской пошлости, свѣтскаго угара!

Съ великой нелицемѣрной горячностью молились онѣ, благодарили Господа за такое чудесное спасеніе, за такую отраду, дарованную имъ въ лицѣ батюшки.

О какъ онѣ благоговѣли и теперь благоговѣютъ передъ батюшкой.

Какъ юныя мученицы, онѣ рады были терпѣть за него всевозможныя осужденія и нападки на нихъ со стороны ихъ родныхъ и близкихъ; и насмѣхались надъ ними, и оскорбляли ихъ, имъ было все равно! Не мало родителей въ гнѣвѣ приходили къ великому пастырю, упрекая его, что онъ отпаялъ у нихъ ихъ дочерей, которыя стали уходить въ храмъ, бросая домашнія дѣла и занятія! Приходили родные со злобой и попреками, но при видѣ благодатнаго пастыря, окруженнаго ореоломъ неземнаго величія, многіе тутъ же падали ему въ ноги, прося прощенія и снисхожденія.

И прощалъ великій молитвенникъ! Все прощалъ все оправдывалъ! Кротко—любяще обращался онъ съ озлобленными, возбужденными противъ него дѣйствіемъ врага, людьми, отечески—ласково вразумлялъ онъ ихъ, одного желая, чтобы никто не погибъ, но чтобы всѣ озарились свѣтомъ истинны и небесной правды.

Болѣе упорные родные не смирялись и продолжали безпокоить праведника: ихъ возмущившійся духъ не могъ въ покоѣ оставить того, кто, такъ сказать, отнималъ у нихъ цѣль ихъ жизни—ихъ дорогихъ, милыхъ дѣтокъ.

Начиналась борьба, тяжелая, долгая борьба.

Многихъ молитвъ, многихъ трудовъ, стоили батюшкѣ эти дѣвушки—цвѣты, которые онъ самъ поливалъ своими горячими, молитвенными слезками, за которыми всюду зорко наблюдалъ, неустанно охранялъ ихъ отъ вреднаго вліянія пороковъ и суеты.

И добро торжествовало.

Не смотря на возмущеніе и противоборство родныхъ, онѣ оставались на пути духовнаго совершенствованія, намѣченнаго имъ руководителемъ—батюшкой, который радовался, видя, что эти слабыя, еще немощныя созданія сіяютъ такимъ великимъ огнемъ вѣры въ Спасителя и любви къ Нему, такою чуткостью и отзывчивостью къ страданіямъ другихъ и желаніемъ помочь всѣмъ и каждому, что вполне могутъ принадлежать къ истинному стаду Христову; и надо было только удивляться, какъ велика была сила благодати премудраго пастыря, который на простой обыкновенной почвѣ могъ взрастить такіе видные цвѣточки!

Но не однѣ дѣвушки составляли славу и гордость батюшки!

Среди людей, которые рвались получить его благословеніе, были лица всевозможныхъ сословій званій, возрастовъ!

Вотъ молодыя вдовы, скорбныя, несчастныя! Онѣ только что перевесли тяжелую утрату въ лицѣ любимаго мужа.

Съ этими, можно сказать, еще больше было труда!

Каково было батюшкѣ удержать ихъ на духовной почвѣ чистоты и цѣломудрія—ихъ, уже привыкшихъ къ строю семейной жизни!

Любовью, ласками онъ всячески старался вселить въ нихъ вѣру въ Господа, неустанно приучалъ ихъ молиться и такимъ образомъ отрывалъ ихъ отъ міра и соблазна, отгонялъ отъ нихъ угаръ семейнаго счастья и вѣялъ надъ ними благоуханіями чистоты и цѣломудрія. И роптали вначалѣ эти вдовицы на дорогого батюшку! Неохотно имъ было разставаться съ привычками семейнаго склада, невозможной для нихъ казалась такая несестественная одинокая жизнь безъ мужской поддержки, безъ мужского вліянія.

Но то, что невозможно было для простого человека, то было возможно для ходатая—пастыря.

Постепенно перерождалась женская избалованная натура, постепенно увеличивался, расширялся духовный складъ ума, происходила славная замѣна суетнаго человека съ его страстями, пороками, искаженіями—одухотвореннымъ, обновленнымъ, и такимъ образомъ росла и росла паства, увеличивался рой пчелокъ, которыя жужжа и толкаясь, такъ и осаждали своего неоцѣненнаго учителя—покровителя.

По среди толпы, постоянно окружавшей пастыря, мы видимъ и пожилыхъ, осмысленныхъ людей: тутъ и отцы семействъ, глубоко уважаемые и почтенные люди, уже давно заслужившіе себѣ репутацію истинныхъ дѣльцовъ и тружениковъ.

Что же ихъ то влечетъ къ батюшкѣ? Развѣ они не настолько еще укрѣпились въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ, чтобы управлять сами собой?

Что это они такъ рвутся и осаждаютъ батюшку, которому и безъ нихъ то много дѣла?

Можетъ быть и самъ дорогой пастырь тяготится ихъ присутствіемъ, и ему хочется заняться болѣе слабыми, болѣе нуждающимися?

Нѣтъ! Неустанный труженникъ, хранитель и покровитель—батюшка всюду успѣваетъ. И для нихъ у него находится привѣтъ и поддержка: ласково и даже съ почтениемъ разговариваетъ онъ съ какимъ-нибудь уважаемымъ дѣльцомъ, или даже съ высокопоставленнымъ лицомъ, даетъ нужные совѣты, разумленія, испѣляетъ, врачуетъ, утѣшаетъ, исправляетъ неправо, однимъ словомъ, старается истребить тѣ плевелы, которые тамъ и сямъ показались среди обильныхъ хорошихъ колосьевъ на почвѣ ихъ дѣловитости и нравственной устойчивости.

А вотъ въ толпѣ и почтенныя старушки! Съ этими тоже много хлопотъ, много труда! На концѣ земнаго странствованія, на порогахъ

къ вѣчности, имъ еще опаснѣе живется, имъ еще нужнѣе тотъ, кто тысячамъ людей уже исходатайствовалъ блаженство и покой въ вѣчности! Еще горячѣе просятъ онъ его святыхъ молитвъ, его помощи и заступленія.

И лучезарный пастырь охотно откликается на ихъ горячую мольбу: неуклонно слѣдить и наставляеть онъ ихъ до самой ихъ кончины, неустанно молится, слезно умоляетъ за нихъ Господа и страдаетъ вмѣстѣ съ ними при ихъ сорокадневномъ восшествіи на небо. Идутъ долги, усердныя панихиды, самъ поминаетъ всѣхъ, самъ вздыхаетъ за всѣхъ. И какъ же должны радоваться и ликовать усопшіе при такихъ пламенныхъ моленіяхъ! Это не простыя заукойныя службы, — нѣтъ, это общее воздыханіе; такъ и чувствуется присутствіе дорогихъ родныхъ усопшихъ на этихъ великихъ панихидахъ — вѣяніе чего то особеннаго неземнаго, загробнаго; кажется, такъ бы все стояло и молилось: такъ несказанно тихо и благодатно на душѣ!

Да чудное, прекрасное было времячко. Ничто не можетъ теперь сравниться съ нимъ! Все было полно великимъ старцемъ. Жизнь окружающаго его люда была освящена озарена его отрадными службами; былъ онъ на землѣ, и все облегчалось его заботами, его благодатью, не стало его и какъ бы опустѣла, осиротѣла земля, такъ пусто и безотраднѣе теперь на ней! Вѣришь, конечно, что дивный пастырь во вѣкъ живъ, что его

святая душа и теперь невидимо присутствуетъ на землѣ, по вѣдъ не слышишь его счастительныхъ рѣчей, не видишь его лучезарнаго свѣтлаго личика. Зарыдали его духовныя дѣти, въ скорби и уныніи сѣшати они теперь на его могилку, и тамъ успокаиваются ихъ горестныя сердца, тамъ проливается на нихъ благодать терпѣнія и облегченія. Да несповѣдимы судьбы Божіи! Развѣ мы, простые смертные люди, достойны были имѣть его среди себя? А между тѣмъ Господь далъ его намъ: онъ жилъ среди насъ, принималъ, благословлялъ, наставлялъ. Бывало, большая толпа тѣспить его, не пускаетъ, а онъ идетъ, благословляетъ, утѣшаетъ, научаетъ.

И семейные, и одинокіе, и старыя, и малыя — всѣ спѣшили броситься къ ногамъ великаго пастыря, прося его принять ихъ въ лоно его духовныхъ дѣтей, смутно проникая въ глубину великой непостижимой тайны его величія и мудрости! И, слава Богу, что и не постигали всего, а то бы по своимъ грѣхамъ никто бы не осмѣлился подойти къ великому пастырю, получить его святое благословеніе.

Да, по своей духовной мудрости и совершенству, батюшка былъ неизмѣримо выше всего окружающаго его люда; но по любви и милосердію къ несчастнымъ, страждущимъ, горькимъ, сирымъ, обиженнымъ, снизошелъ сей великій учитель до нихъ, сдѣлался всѣмъ доступенъ, снизошелъ сей великій другъ — покровитель до уровня грѣшнаго человѣче-

ства, опустился свѣтозарный лучъ благодати въ тину ничтожныхъ слабыхъ созданій и сталъ ихъ согрѣвать, озарять, спасать; мало по малу сталъ высушивать ужасную трясину человѣческихъ пороковъ и паденій, и затянулось топкое болото, показалась твердая надежная почва, показались малевькіе покрѣпкіе живые ростки—это вѣдь все духовныя дѣтки пастыря, плоды творчества его мощнаго духа, его непоколебимой любви къ ближнимъ.

Да стократъ счастлива и велика Москва, что въ ней жилъ и сіялъ такой дивный избранникъ!

Изъ Калужской губерніи присланъ онъ былъ Господомъ, чтобы спасти и обновить Москву, запутавшуюся въ сѣтяхъ суеты и пороковъ.

Родился батюшка 1 го Сентября 1836 года. Онъ происходилъ изъ древняго прославленнаго рода Амфритеатровыхъ. изъ котораго ужъ вышли 2 великіе свѣтоочи Филаретъ митрополитъ Кіевскій его дядя и преосвященный Автопій.

Родители его были протоіерей Николай и Анна. Они тоже были озарены Божьей благодатью: батюшка самъ называлъ свою мать святой женщиной. Среди лишений и недостатковъ укрѣплялся онъ и окрылялся духомъ вѣры и надежды на всеильную помощь Божью

„И учился съ сальнымъ огаркомъ и нуждался часто въ самомъ необходимомъ“ — такъ

разказывалъ батюшка объ отроческомъ и юношескомъ періодѣ своей жизни.

Окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ перешелъ въ Духовную академію, гдѣ и получилъ званіе магистра богословія.

Потомъ, онъ былъ облеченъ въ пастырскій санъ, и первый приходъ его былъ при храмѣ Благовѣщенія въ Калугѣ.

За ревностное и истинное служеніе онъ скоро былъ переведенъ въ кафедральный соборъ города Лихвина Калужской губерніи съ саномъ протоіеря, потомъ онъ былъ назначенъ смотрителемъ духовнаго училища въ Мещевскѣ и наконецъ настоятелемъ храма Поливановской учительской семинаріи близъ Москвы.

Отсюда батюшка былъ переведенъ въ Москву въ храмъ святыхъ Константина и Елены или какъ при батюшкѣ его стали, называть Нечаянной Радости.

Пройдя весь курсъ высшихъ духовныхъ наукъ, вполне изучивъ древніе языки, батюшка дальше пошелъ по пути самосовершенствованія. Не говоря уже о его духовной мудрости его великій свѣтлый умъ не зналъ предѣла и преграды

Жажда познаній настолько была велика, что онъ самъ изучилъ до 10 новыхъ языковъ.

Масса иностранныхъ книгъ и изданій покупалась и прочитывалась имъ, такъ что составила у него большая всесторонняя бібліотека—собраніе весьма важныхъ и цѣн-

ныхъ экземпляровъ духовной и научной литературы.

Батюшка съ любовью относился къ своимъ книгамъ, сохранялъ ихъ и берегъ, даже въ поспѣдствіи, слабый и больной, онъ ощупывалъ ихъ пальчиками и говорилъ: „это все друзья мои“.

Невозможно понять, какъ, это на все успѣвалъ батюшка!

Руководить многотысячной паствой, цѣлитель, паставлять, утѣшать и находить время для умственного труда и авторскихъ занятій, такъ какъ батюшка постоянно составлялъ проповѣди для народа и писалъ духовныя сочиненія—очерки изъ библейской исторіи!

Истинно это былъ особый сосудъ благодати и премудрости Божьей!

И такъ дивный свѣтильникъ батюшка—сама мудрость и всезнаніе—появился въ Москвѣ, какъ благодатное орудіе для спасенія грѣшнаго, темнаго погибающаго люда.

Маленькая церковь святыхъ Константина и Елены была еще мало кому извѣстна: служить бывало батюшка, а народу почти вѣтъ. Но узналъ народъ про великаго пастыря и неудержимо побѣжалъ подъ горку.

Кто со скорбями бѣжитъ къ доброму утѣшителю, кто въ бѣдности, не зная гдѣ главы склонить, прося покрова и пріюта кто, омрачаемый заблужденіями, просить совѣта и разумленія.

И всѣхъ утѣшалъ, всѣхъ успокаивалъ, всѣхъ поддерживалъ батюшка!

Кого наставить, кому поможетъ деньгами, кого устроить, дать пріютъ и убѣжище, этого исцѣлить, того исправить, вразумить. Съ утра до ночи, безъ усталости, трудился пастырь: ни въ церкви, ни дома, не зная покоя и отдохновенія!

Службы были ежедневныя, продолжительныя, почти до 3-хъ часовъ дня. Одинъ, безъ дьякона, служилъ оцъ, точно на воздухѣ, озаренный свѣтомъ благодатнаго сіянія, всѣхъ любя, всѣхъ жалѣя. Зная, что лучшее средство духовнаго врачевства,—это очищеніе души въ таинствѣ покаянія и освященіе ея въ благодатномъ таинствѣ пріобщенія Пречистаго Тѣла Христова и Честныя Крови Христовой, батюшка старался, какъ можно чаще, приготавливать свою паству къ этимъ великимъ таинствамъ: кого кротко, ласково вразумлялъ, исправлялъ, кого строго наказывалъ, обличалъ при всѣхъ за лѣнь и перадѣніе.

Иногда по 17-ти часовъ стоялъ онъ и исповѣдывалъ, съ утра до ночи пребывалъ въ храмѣ, духовно врачуя заблудшія грѣшныя сердца.

И совершалось невиданное, неслыханное дѣло: тысячи людей рвались въ храмъ „Щедротной Радости“ толкались, мучились, лишь бы только подойти къ пресвѣтлому батюшкѣ, получить его благословеніе, а главное вымолить у него разрѣшеніе придти на исповѣдь.

Но батюшка, большею частью, подолгу не-

пытывалъ людей и годъ или больше не бралъ къ себѣ на исповѣдь.

Зато стоило только разъ поисповѣдываться у батюшки, какъ происходила дивная перемѣна—замѣна суетливаго склала ума духовной жаждой христіанской дѣятельности. Изъ пошлаго, никому пенужпаго, бездѣятельнаго человѣка, являлся христіанинъ, полезный членъ и дѣятель церкви Христовой.

Такого уже не собьешь и не подмашишь ни на какія сдѣлки и ухищренія. Такой уже увидалъ цѣль жизни, понялъ свое назначеніе и съ горячей мольбой о высшей помощи бодро шелъ по скользякому житейскому пути, если и немного уклоняясь въ сторону, то все таки не поворачивая назадъ, не прельщаясь мірской пошлостью, надѣясь на Господа Человѣколюбца, на Его безмѣрное милосердіе и всепрощеніе.

По разнымъ мѣстамъ Россіи прошелъ слухъ о Чудотворномъ Образѣ Царицы Небесной и о дивномъ служителѣ—пастырѣ.

Изъ разныхъ отдаленныхъ городовъ пріѣзжали люди и были поражены величіемъ и прозорливостью батюшки. Образъ Царицы Небесной поставленъ былъ батюшкой на самое видное мѣсто,

Батюшка сталъ ежедневно служить молебны, читать акафистъ и горячо просить Царицу Небесную осѣнить сей святой храмъ покровомъ и заступленіемъ.

И услышала Владычица слезныя мольбы

Своего служителя—дивныя милости, дивныя исцѣленія посылала Она вѣрующимъ, въ скорбяхъ и печаляхъ прибѣгающимъ къ Ней и молящимся передъ Ея Пречистымъ Образомъ. Благоговѣйная служба, умиленное чтеніе акафиста возбуждали такое настроеніе въ молящихся, что нельзя было безъ слезъ смотрѣть на всю эту толпу, тѣснящуюся передъ Чудотворнымъ Образомъ и съ вѣрою и надеждою взывающую къ Царицѣ Небесной.

А Ликъ Владычицы такъ сіялъ, такъ блисталъ! Кротко глядѣлъ Онъ на всѣхъ, невидимо озаря божественной благодатью, а пастыръ стоялъ и молился.

Сотни записокъ о болящихъ, скорбящихъ, озлобленныхъ передавались ему. Онъ читалъ имена, и его тонкій, точно женскій голосъ раздавался на весь храмъ, и слышался въ этихъ звукахъ не простой однообразный перечь, но глубокая горячая молитва за каждого, чье имя онъ называлъ передъ Чудотворнымъ Образомъ.

Кончился молебенъ, начиналась долгая панихида.

Опять безконечное чтеніе записокъ, опять благоговѣйное вниманіе и слезное моленіе окружающихъ, опять бесѣда пастыря съ Господомъ и мольба его привять и успокоить души всѣхъ усопшихъ отецъ и братій нашихъ, здѣсь поминаемыхъ и повсюду православныхъ.

Кто удостоился быть въ этой церкви, тотъ и теперь не можетъ безъ умиленія вспомнить

объ этихъ великихъ службахъ: это было что то высшее необъяснимое, — вѣяніе небесной благодати, великая духовная радость, ни съ чѣмъ не сравнимая, ничѣмъ не замѣнимая!

И раскрывался пастырь въ этой Церкви во всемъ блескѣ своей духовной красоты и прозорливости.

Тысячи случаевъ его мудрости и провидѣнія рассказываютъ его духовныя дѣти; тысячи случаевъ, когда его мощный духъ проявлялся во всемъ благодатномъ величіи.

Бывало во время молебна идетъ онъ по церкви, несетъ большое Евангеліе, подносить ко всѣмъ, чтобы прикладывались, а самъ точно на воздухъ, такъ весь и озаряется небесной красотой.

Лучистые глаза его такъ и ласкаютъ, такъ и согрѣваютъ всякаго. Такіе глаза только и могутъ быть у особыхъ избранниковъ Божьихъ, давно уже поборовшихъ власть плоти и міра и пріобрѣтшихъ силу и благодать Духа Святаго.

Никто изъ пришедшихъ въ этотъ святой храмъ не могъ скрыться отъ этихъ глазъ: всѣхъ, бывало, разыщутъ они, до всѣхъ доберутся!

Вотъ тамъ далеко въ уголѣ, стоитъ несчастный, скорбящій. Тяжкое неутѣшное горе посѣтило его: можетъ быть, смерть жены, матери, можетъ быть, безвыходная бѣдность; можетъ быть гнетъ пороковъ, преступныхъ привычекъ повергли его въ тоску и страданіе.

Точно окаменѣлый стоитъ онъ, безчувственно относясь ко всему окружающему. Служба идетъ, пѣніе, возгласы, но, какъ будто не для него все это, какъ будто онъ здѣсь совсѣмъ лишній, ненужный!

Для чего жить? для чего трудиться? когда все потеряно, ушло безвозвратно! За чѣмъ пришелъ онъ сюда? За чѣмъ стоитъ?

Нѣтъ впереди просвѣта, нѣтъ цѣли въ жизни!

Долго, какъ бы въ забытьѣ, стоитъ онъ, понуря голову, безъ мысли, безъ движенія.

Но вотъ, что-то вдругъ озаряетъ его, что-то заставляетъ его поднять голову и взглянуть на батюшку, а батюшка уже смотритъ на него своими лучистыми глазами: они прожигаютъ всю его душу, они проливаютъ въ его несчастное, изстрадавшее, озлобленное сердце какую то особенную благотворную радость и теплоту.

Падаетъ ницъ несчастный страдалецъ, растаяла ледяная пагубная твердыня горя и отчаянія; вопли и рыданія полились изъ измученнаго сердца, — но это уже не безнадѣжность и озлобленіе, это уже не ужасъ гибели и омертвѣнія — это животворный источникъ надежды и облегченія.

Увидалъ горемыка, что еще не все погибло, не все пропало, увидалъ онъ великаго пастыря — учителя и понялъ, что съ его все-сильной помощью еще можно идти по стезѣ бѣдствій и испытаній, — и оставляетъ онъ свой

дальній уголокъ и бѣжить ближе къ этимъ дивнымъ глазамъ, которые такъ и грѣютъ, такъ и озаряютъ свѣтомъ и радостью его скорбное сердце.

А пастырь уже, какъ будто, давно ждетъ его: ласковыми кроткими словами онъ еще больше пѣжитъ и согрѣваетъ несчастнаго, любяще увѣщаетъ образумиться и опомниться, общаетъ любить, помогать, молиться за него, а главное утѣшаетъ его надеждой на милость Самого Человѣколюбца, Который радуется о всякой душѣ, смиренно приходящей къ Нему.

И что же! Изъ полумертвеца, полундіота—созидается человѣкъ, новый воинъ правды и чистоты, новый истинный сынъ Церкви Христовой.

О какъ горячо любить онъ своего дорогого наставника, паче всѣхъ людей чтить и превозносить его!

А вотъ подходитъ къ батюшкѣ бѣдненькая дѣвушка, еще молоденькая, но больная. Но хочется еще пожить молодому созданию, тяжело разставаться съ матерью, еще бодрой и не старой!

Робко, бояливо подходитъ эта дѣвушка къ батюшкѣ—кто нибудь видно послалъ ее сюда, еще неумѣло обращается она къ нему, прося благословенія. Но не можетъ дорогой пастырь—сама любовь и милосердіе—безъ жалости смотрѣть на юное существо, трогается его любящее сердце и хочетъ онъ по-

мочь этой больной дѣвушкѣ. Долго разговариваетъ онъ съ ней, ласкаетъ, утѣшаетъ и Господи! дивныя дѣла Твои! Огонь жизни опять возгорается въ ней, болѣзнь проходитъ безслѣдно, и расцвѣтаетъ она въ пышную красивую барышню, трудящуюся, жизнерадостную на счастье и утѣшеніе всей семьи. Тысячи примѣровъ были подобныхъ чудесныхъ исцѣленій!

Помню тоже: одна очень хорошая интеллигентная барышня изнемогла отъ чахотки. Худая, безжизненная, она тоже обратила на себя вниманіе великаго пастыря; пожалѣлъ онъ ее, видитъ, что она съ вѣрой и любовью обращается къ нему и захотѣлъ помочь ей.

Но какъ онъ никогда и ничего не дѣлалъ на видъ, а творилъ чудеса втайнѣ, то онъ сталъ незамѣтно, исподволь проливать на нее благодать, подолгу бесѣдовалъ съ ней передъ образомъ Царицы Небесной.

Помню, какъ сейчасъ, ея худенькую, высокую фигурку, склоненную къ батюшкѣ. Болѣзнь брала свое, все болѣе подтачивала организмъ. Трудно ей было выстаивать службы, все присаживалась, все слабѣла; надежды на выздоровленіе повидимому никакой не было.

Но батюшка не унывалъ!

Онъ послалъ ее на лѣто въ имѣніе къ роднымъ. Многіе со слезами провожали ее, навсегда прощаясь съ ней, такъ какъ никто конечно не рассчитывалъ увидѣть ее опять.

Прошло лѣто. Вдругъ всѣ были поражены чудомъ: прїѣзжаетъ она въ Москву здоровая, нѣтъ и признаковъ чахотки. Правда еще худенькая, но зато бодрая, веселая, окрѣпшая, возрожденная.

Всей силой своей молодой чистой природы отдается она на служеніе ближнимъ и, благодарная цѣлителю батюшкѣ, не оставляетъ его, горячо любить и чтить его и постоянно присутствуетъ за его службами.

Развѣ не дивно все это?

Какъ же не плакать и не убиваться теперь тысячамъ людей?

Лишиться такого пастыря—цѣлителя—это ужаснѣйшее несчастье!

Скончался онъ—и все померкло.

Смущены несчастныя, бездольныя, одинокія сироты—а ничего не подѣлаешь: видно такъ Господу угодно!

Да, чудотворна была молитва батюшки за обѣдней!

Бывало подашь записочку и попросишь помолиться о болящихъ. Помолится батюшка—и быстро больные выздоравливаютъ.

У одной моей знакомой—Вѣры Александровны Мининой былъ отецъ при смерти: доктора нашли у него ракъ; лѣчили опытные доктора, но ничего не могли сдѣлать: болѣзнь усиливалась, конецъ былъ близокъ.

Я подала записочку батюшкѣ и попросила помолиться.

„Хорошо, дѣточка (такъ любилъ батюшка

называть своихъ духовныхъ дѣтей) помолюсь за Александра“—сказала батюшка, прочитавъ записочку и ласково благословилъ меня.

Что же! велика милость Божія! Что не смогла сдѣлать наука, то сдѣлала вѣра! Даже врачи пришли въ крайнее ведоумѣвіе, не зная чему приписать такое удивительное, непонятное для нихъ выздоровленіе: осматриваютъ больного и не находятъ въ немъ признаковъ рака, не постигаетъ ихъ мудрый умъ такой переменны: развитіе рака было прежде вполне ими константировано, неизбежность близкаго печальнаго конца—несомнѣнна, и вдругъ болѣзнь исчезла безслѣдно. Больной быстро поправился.

Узнавъ о такомъ чудѣ, я побѣжала къ батюшкѣ и горячо возблагодарила его за такую чудесную помощь.

Сотни записокъ подавались батюшкѣ о больныхъ, заблудшихъ, несчастныхъ, а также о дорогихъ близкихъ усопшихъ, и всѣхъ ихъ поминалъ батюшка за обѣдней и возносилъ слезныя мольбы за нихъ къ престолу Вседержителя.

Бывало стоитъ онъ въ алтарѣ на колѣнкахъ и молится, только и слышишь имена, слышишь и чувствуешь, съ какой великой любовью, съ какой горячей вѣрой молится батюшка за всѣхъ болящихъ и страждущихъ за всѣхъ усопшихъ, и слышитъ его Господь и слышитъ, и исполняетъ по его прошенію.

Вспоминая объ усопшихъ, не могу я не

передать замѣчательнаго случая прозорливости батюшки: пришла я какъ-то на домъ къ батюшкѣ, онъ меня принялъ, сталъ разспрашивать объ урокахъ и вдругъ спросилъ, „а гдѣ ваша мама? Я отвѣтила: „Поѣхала въ Алексинъ на 1 мѣсяць лѣчиться, такъ какъ тамъ сосновый боръ.“ „Такъ тамъ и останется?“ продолжалъ разспрашивать меня пастырь“, особенно подчеркнувъ слово „останется“ „Нѣтъ, дорогой батюшка,“ поспѣшила я увѣрить его. „мама каждое лѣто ѣздитъ въ Алексинъ, но больше мѣсяцу тамъ не остается“. Батюшка какъ-то особенно быстро взглянулъ на меня, но ничего не сказалъ.

Что же послѣ оказалось! Мама моя, не проживъ и мѣсяца въ Алексинѣ, опасно заболѣла и вскорѣ скончалась тамъ, такъ что пришлось тамъ же и похоронить ее. Поразительно дѣйствуютъ такіе случаи провидѣнія на душу человѣка! Слова батюшки: „такъ тамъ и останется“, связанные съ такимъ великимъ горемъ для меня, какъ потеря горячо любимой матери—какъ бы постоянно стоятъ у меня передъ глазами, они напоминаютъ мнѣ, сколь велико было состраданіе батюшки ко всемъ несчастнымъ, что оръ и мечя, ведомую, пожалѣлъ и какъ бы хотѣлъ предупредить меня о моемъ близкомъ сиротствѣ.

А то вотъ еще какой былъ поразительный случай исцѣленія.

Умиралъ пятилѣтній мальчикъ, любимый сынъ несчастной матери Анны Николаевны

Лапшиновой—Александръ: ужасные нарывы въ горлѣ должны были прекратить жизнь ребенка, приходилось рѣшиться на опасную операцію, самъ батюшка не противился этому, но еще до совершенія ея онъ прислалъ къ А. Н. Лапшиновой просфору, чтобы она дала стражающему сыну. И что же! всеильная благодать Божія сама совершила славную операцію: осматриваютъ больного; опасности нѣтъ, нарывы уменьшаются, и онъ вскорѣ выздоравливаетъ.

Вотъ что еще рассказывала мнѣ одна изъ духовныхъ дочерей батюшки, Марія Викторна В. разболѣлся у нея палець, горитъ, нарываешь, терпѣнія нѣтъ; пошла, показала доктору, прорѣзали, вычистили, а боль не унимается.

Что тутъ будешь дѣлать!

Не хотѣлось ей беспокоить батюшку, думала и такъ пройдетъ.

Пошла въ церковь. Вдругъ батюшка послѣ обѣдни самъ подошелъ къ ней и крѣпко взялся за больной палець. Чувствуетъ она, что боль сразу утихла; батюшка благословилъ ее и пошелъ дальше.

Приходитъ она домой, развязываетъ, осматриваетъ палець, а онъ подсохъ и затянулся.

Однимъ только прикосновеніемъ своей руки, и то черезъ повязку, батюшка сразу исцѣлилъ сильный ногтоѣдъ.

Но не одними исцѣленіями славился дивный пастырь: онъ всецѣло посвятилъ себя на

славное дѣло апостольскаго служенія, онъ спасалъ души человѣческія, вырывалъ ихъ изъ тернія грѣховъ и пороковъ!

Долгой, неустанной молитвой, мудрыми совѣтами и наставленіями, грозными словами въразумленія и обличенія онъ духовно совершенно перерождалъ всякаго, приходящаго къ нему.

Приходили къ нему люди прямо изъ мрака свѣтской пошлости, опутанные пагубными привычками, они такъ бы и влачили свою жизнь въ праздности, суетѣ, распряхъ, гордости, вдали отъ Бога, полувѣрующіе, индифферентно относящіеся къ религіи и къ установленіямъ православной Церкви.

Сходитъ въ Церковь, помолится такой человекъ, но какъ-то машинально, какъ бы совершаетъ скучную обязанность: ни отрады духовной не чувствуетъ, ни цѣли въ жизни не видитъ.

Машинально, какъ истуканъ, живетъ онъ, день прошелъ и слава Богу! поѣсть поспать — и только, а о будущей жизни и о приготовленіи къ ней и помину нѣтъ.

Да хорошо если и этимъ то ограничивается; а иной погрязъ въ пьянствѣ, кутежахъ, ведетъ жизнь кутилы, мота бросаетъ жену, оставляетъ на произволь дѣтей — и вотъ подобные люди приходили къ батюшкѣ! Они невидимо присылались къ нему Провидѣніемъ Божьимъ, всѣ опутанные грѣховными сѣтями.

Казалось, невозможно было исправить та-

кихъ, заблудшихъ изуродованныхъ людей! Но дорогой батюшка не колеблясь принималъ ихъ подъ свою мощную охрану, въ свою благодатную спасительную науку.

Разъ приметъ такого человекъ и уже не отпуститъ его на свободу грѣха и порока. Долго пересоздастъ онъ испорченнаго искорверканнаго человекъ, гдѣ лаской, гдѣ угрозой зорко слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, не дастъ уклониться въ сторону, поддерживаетъ, подкрѣпляетъ и проливаетъ на него благодать Святого Духа, преподавая ему Святые Божественныя Тайны — Пречистое Тѣло Христова и Божественную Кровь его. Самъ, дорогой руководитель, изнемогаетъ съ такимъ тяжелымъ человекѣмъ, самъ, великій милостивецъ, несетъ за него тяжесть его грѣховъ.

Не можетъ такой человекъ превозмочь лѣнь и невоздержаніе, не можетъ должнымъ образомъ попоститься и приготовиться — батюшка прощаетъ ему, разрѣшаетъ отъ поста: „Я приму все на себя“ говоритъ онъ бывало, дорогой нашъ Ангель — Хранитель, и такимъ образомъ самъ батюшка постится и страдаетъ за ослабѣвшаго, немощнаго,

И вообще не любилъ батюшка одного наружнаго пощенія, одной внѣшней молитвы; такъ бывало разсердится и заволнуется, когда услышитъ, что кто нибудь принимаетъ на себя непосильный, лицемерный постъ.

„Не животомъ, не ѣдой спасайте свои души“, бывало скажетъ батюшка. Господу нуж-

но наше горячее сердце, а не наружное пощение и лицемерное хожденіе по церквамъ—это все ханжество и заблужденіе. Пусть въ тебѣ любовь будетъ да милосердіе, а не наружная пустая набожность, такъ, бывало, громить батюшка въ своихъ проповѣдяхъ, старается растопить сердце человѣка, требуетъ отъ него внутренней чистоты, внутреннихъ богатствъ добра, милосердія, кротости, смиренія, терпѣнія и покаянія. X

Проповѣди говорилъ батюшка очень часто: въ воскресеніе послѣ литургій; по субботамъ— Великимъ постомъ причастникамъ, и во все-нощную—подъ большіе праздники.

Чудныя проповѣди говорилъ батюшка. Это такая была живая рѣчь поученія и наставленія; это такая была мольба покаянія и исправленія: это такая была красота выраженій и сравненій, что никакими словами невозможно передать того великаго умиленія и потрясенія, которое охватывало всю душу при благодатныхъ звукахъ его проповѣдническаго слова.

Многіе получали въ проповѣдяхъ отвѣты на свои думы, и недоумѣнія и замѣшательства, а многимъ ясно раскрывалось, какъ имъ поступить въ ихъ затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ.

Въ этихъ проповѣдяхъ выставлялся весь ужасъ пороковъ, восхвалялось терпѣніе, смиреніе и послушаніе.

Духовная гордость, какъ самый ужасный

бичъ духовной жизни, возбуждала особенное вниманіе батюшки: это зло, эту гадюку батюшка всячески старался потоптать и раздавить въ своихъ духовныхъ чадахъ.

Терпѣніе, послушаніе и смиреніе—вотъ какія качества долженъ былъ развить въ себѣ человѣкъ, если онъ хотѣлъ получить ласку и любовь батюшки; и горе тому было, въ комъ батюшка замѣчалъ своеволие и упорство: бывало такъ и обличить при всѣхъ провинившагося, такъ и разгромить въ проповѣдяхъ.

Чтобы смирить гордость и кичливость человѣка, батюшка при всѣхъ, бывало, начнетъ пробирать его и выставять на видъ темныя качества и дурныя свойства его характера, а случалось, что много непокорнаго гналъ вовсе изъ церкви и запрещалъ показываться ему на глаза.

Ничего не было тяжелѣе такого изгнанія! Гнѣвъ батюшки производилъ такой ужасный гнетъ, такую душевную муку на каждого, что многіе не выдерживали этого и, какъ малоопытные въ духовномъ дѣланіи, уходили отъ батюшки. Другіе же, какъ болѣе преданные, рѣшались лучше переносить тяжесть обличенія и униженія, чѣмъ лишиться батюшкиной службы.

Испытавъ и убѣдившись въ преданности, батюшка обращалъ свой гнѣвъ на милость и принималъ такого человѣка, какъ уже вѣрную овечку въ свое духовное стадо.

И такъ много тысячъ людей вель дорогой

пастырь, не оставлялъ безъ призора, во время поддерживалъ, если кто ослабѣвалъ, делѣалъ и охранялъ того, какъ слабаго безпомощнаго ребенка.

Многихъ вель онъ больше 20-ти лѣтъ, постоянно трудился надъ ними, неустанно воспитывалъ ихъ.

Но перейду опять къ тому періоду жизни батюшки, когда онъ былъ еще въ церкви „Нечаянной Радости“ и буду постепенно развертывать его благотворное служеніе и дѣятельность до самой кончины его.

Всѣ, кто были за батюшкиными службами у „Нечаянной Радости“, единодушно утверждаютъ, что такихъ чудныхъ службъ они нигдѣ и, никогда больше не видывали!

Это было именно что то особенное райское блаженное.

Маленькая церковь, лучезарный образъ Царицы Небесной, Ея кроткій божественный Ликъ—это было что-то необъяснимое, несказанное, радостное!

Стоишь, бывало, и чувствуешь, что находишься гдѣ-то далеко, далеко стъ всего суетнаго, земнаго: ни тревогъ, ни смуты, ни волненій, стоишь и молишься, вся отдавшись чувству какого-то блаженнаго умиротворенія, радости, покоя, а тонкій звучный голосъ пастыря возглашаетъ молитвословія съ (такой) вѣрой и горячностью и какъ бы желаетъ сказать всѣмъ, что милосердый Господь Самъ принимаетъ просьбы достойно и съ

любовью обращающихся къ Нему людей, и нѣтъ словъ передать, какъ дивно вся обновляешься, перерождаешься, всею душой стремишься къ Господу, умоляешь Его Человѣколюбца научить, какъ послужить Ему, чтобы не быть отвергнутой Имъ, но чтобы быть принятой Имъ, хотя въ число самыхъ послѣднихъ наемницъ Его.

Господи! Не отвергни меня отъ лица Твоего, научи меня, какъ послужить Тебѣ, чтобы при Твоемъ второмъ славномъ пришествіи не быть въ числѣ тѣхъ юродивыхъ дѣвъ, которымъ Ты изречешь Свой праведный Судъ: „Истинно говорю вамъ не знаю васъ“—вотъ слова, которыя, бывало, невольно льются съ языка.

А пастырь и радъ, что такъ умиляются сердца молящихся съ нимъ, такъ и рвется онъ то къ одному, то къ другому, желая навсегда возжечь въ своихъ духовныхъ чадахъ такія чувства любви и благоговѣнія къ Господу: то къ одному подойдетъ послѣ службы, то съ другимъ заговоритъ, такъ и воспламеняетъ свѣтильники ихъ, чтобы они сохранились до конца ихъ жизни и не погасли бы безвременно.

Какъ истинный чудный стражъ, онъ всѣхъ охранялъ отъ нападений неконнаго врага—дьявола, который, яко левъ, рыкаетъ, ища кого поглотити.

Да! Не давалъ дорогой пастырь въ обиду ему своихъ малыхъ бѣдныхъ овечекъ, всѣхъ укрывалъ отъ этого лютаго звѣря, всѣхъ охранялъ своей защитой и помощью.

И хорошо же жилось имъ при такомъ па-стырѣ! ни нужды, ни холода, ни болѣзней, ни несчастій: все утишалось его святыми молитвами. Чуть только бывало замѣтить гдѣ горе и уныніе, сейчасъ же спѣшить на помощь и выручку.

И многимъ открывался тогда батюшка во всемъ своемъ величїи, во всей своей прозорливости. Все то было ему извѣстно, кажется, ни одно волненіе души, ни одно смятеніе не укрывалось отъ его духовно-видящаго взора.

Тысячи случаевъ можно бы указать его дивной прозорливости, вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Была я съ годъ на одномъ урокѣ въ отъѣздѣ и привезла съ собой около 150 руб. которые сохранно держала въ своемъ чемоданѣ, постепенно тратя изъ нихъ на самое необходимое.

Мало по малу денежки мои начали утекать, и, по правдѣ сказать, тужила я объ этомъ, такъ какъ не хотѣли обременять своихъ родителей, которые очень скромно жили на небольшое жалованіе, получаемое моимъ папой.

И вотъ размѣняла я послѣдніе 5 руб. и послѣ молебна кладу изъ нихъ на тарелку 5 коп. и прикладываюсь ко кресту, который батюшка давалъ всѣмъ цѣловать послѣ молебна.

Вдругъ батюшка останавливаетъ меня ласково смотритъ, улыбается и какъ бы съ сожалѣніемъ произноситъ: „послѣднія денежки, послѣднія денежки“. Я, конечно, поразилаь,

такъ какъ онъ отвѣтилъ мнѣ на сокровенныя думы мои по поводу истощенія моихъ финансовъ.

Уѣзжая домой, батюшка опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „послѣднія денежки, послѣднія денежки, но не тужите, у васъ скоро будетъ много“.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, я получила вскорѣ хорошіе уроки и зарабатывала очень порядочно. Каково же! Не дивный ли прозорливецъ!

А то была я разъ за обѣдней, а послѣ обѣдни прямо отправилась на урокъ; съ урока я должна была идти домой, такъ какъ къ извѣстному часу меня дожидалась дома мама. Какъ болѣзненная и нервная женщина она сильно всегда беспокоилась, когда я опаздывала съ урока и тѣмъ заставляла ее въ страшномъ волненїи дожидаться меня съ обѣдомъ.

А тутъ, какъ на грѣхъ, вздумалось мнѣ послѣ урока пойти въ церковь, такъ какъ сказали, что батюшка будетъ служить вечерню. Молодая и легкомысленная, я не вникала въ чужія чувства и какъ бы не понимала, что такимъ необдуманнымъ своевольнымъ промедленїемъ я могу ужасно обезпокоить и расстроить свою маму.

Ну гдѣ тутъ раздумывать и соображать, когда сказали, что батюшка будетъ служить.

Батюшка служить—это были такія магическія слова, которыя заставляли забыть все и всѣхъ.

Итакъ, прямо съ урока, я отправилась въ церковь. Пришла еще до прїѣзда батюшки, помѣстилась въ дальній уголокъ на паперти съ цѣлью уже не беспокоить батюшку, такъ какъ утромъ получила отъ него благословеніе.

Стою и дожидаюсь, а сердце всетаки поетъ, что безсердечно поступаю по отношенію къ мамѣ, заставляя ее, нервную и больную, дожидаться меня и мучиться моимъ долгимъ отсутствіемъ.

Прїѣхалъ батюшка, идетъ по паперти, раздвигаетъ народъ, прямо направляется въ мой дальній уголокъ и обращается ко мнѣ такъ строго, знаменательно: „А мамочка дома спрашиваетъ: гдѣ она? Нѣтъ нѣтъ падо домой!“

Какъ электрическая искра проникли эти слова въ мое сердце, тутъ только я вполнѣ поняла, какъ безжалостно поступила, придя къ вечерѣ, не предупредивъ мамы.

Сейчасъ же опрометью побѣжала я домой — и что же? Застаю маму въ скльномъ покойствѣ, съ минутой на минутку дожидающуюся меня съ урока. Конечно я ей во всемъ чистосердечно покаялась, и обѣ мы съ недоумѣніемъ и съ благоговѣніемъ стали разсуждать о прозорливцѣ пастырѣ.

А то вотъ что разсказывала мнѣ одна вдова: рано лишилась она мужа, проживъ въ замужествѣ всего 5 лѣтъ.

Сначала горевала, конечно, о немъ, но потомъ мало по малу горе ея стало утихать, и ей все хотѣлось пожить на свободѣ, ни отъ

кого не зависѣть, никому не подчиняться, быть вольной птицей.

Вотъ стоитъ она разъ въ церкви противъ Царскихъ вратъ; раздается поучительное чтеніе Дѣяній Апостольскихъ. Стоитъ и думаетъ: ну вотъ, заживу я теперь, какъ захочу; тетки не стану слушаться; она стара, на что она мнѣ, а сестеръ я не боюсь, онѣ мнѣ не указка, значить отлично, никого не буду спрашиваться, буду жить, какъ захочу.“

Стоитъ она и размышляетъ такъ. А батюшка за престоломъ, на горнемъ мѣстѣ. Посмотрѣла она на него, а онъ головкой покачиваетъ, да такъ сердито глядитъ на нее; ничего она не поняла, однакоже продолжаетъ свою мудренную думу.

Кончилась обѣдня. Уходитъ батюшка, идетъ, благословляетъ. Она подходитъ, проситъ благословеніе, а батюшка на нее даже и не смотреть, такъ сердито отворачивается.

Что такое? не понимаетъ она; то съ одной стороны подойдетъ, то съ другой, батюшка все сердито отворачивается. Что тутъ, дѣлать!

Ужасно тяжело стало у ней на душѣ.

„Батюшка дорогой!“ закричала она уже громко, какъ то пробравшись совсѣмъ близко къ батюшкѣ, „да благословите же меня, ради Бога!“

„Благословить тебя, это на какую же жизнь благословить тебя?“

Навѣрно теперь думаешь: ишь какъ мнѣ хорошо! Мужъ умеръ, тетки я не стану слу-

паться, она стара, на что она мнѣ, а сестеръ я не боюсь, онѣ мнѣ не указка! Буду жить, какъ захочу. Нѣтъ, голубушка! знай же, я буду слѣдить за тобой, не дамъ тебѣ воли, будешь меня слушаться, не выйдешь изъ подъ моей власти: каждый шагъ твой буду знать. А то, видите ли, ишь какая умная, я, да я, какъ я хочу, какъ я захочу, всю обѣдню меня смущала, все я да я.

Такъ помни же теперь: ты должна во всемъ меня слушаться, не смѣй ничего дѣлать по своему.

Вотъ тебѣ и разъ! Огорчилась, приуныла моя бѣдная вдовица, да ничего не подѣлаешь! Съ такимъ пастыремъ не станешь спорить или противорѣчить ему.

„Вотъ какой батюшка великій прозорливецъ,“ прибавляетъ она: „повторилъ мнѣ всѣ тѣ слова, которыя я мысленно произносила во время обѣдни, узналъ мои сокровенныя думы, открылъ мои суетныя желанія.“

А то вотъ еще что передавала мнѣ та же вдова: стою я разъ за обѣдней противъ алтаря и все никакъ не могу проникнуть въ глубину премудрости батюшкиной. „Ну, положимъ, батюшка крупныя мои поступки и дѣла знаетъ, а вотъ папримѣръ, мелкія какіе нибудь „съ булавоchnую головку“ развѣ можетъ онъ все это знать. конечно не знаетъ, это невозможно! Подумала это она такъ и успокоилась, что не все же знаетъ батюшка!

Кончилась служба, подходитъ она къ сѣвер-

нымъ дверямъ, батюшка выходитъ изъ алтаря, обращается къ ней и говоритъ: „Нѣтъ ли у тебя булавки?“ „Нѣтъ, дорогой батюшка,“ отвѣчаетъ она, „сейчасъ попрошу у кого нибудь.“

Тогда батюшка начинаетъ искать у себя и говоритъ: „ишь какъ жалко, вотъ вѣдь нѣтъ у меня булавки, и „булавоchnой головки“ нѣтъ.“

Тутъ ужъ не смогла она больше вытерпѣть: съ воплями бросилась она батюшкѣ въ ноги: „батюшка, дорогой святитель,“ заголосила она, „прости меня, что я усумнилась въ тебѣ. Все то ты знаешь, теперь твердо вѣрю я въ это.“

„Вотъ видишь,“ ласково поднимаетъ ее батюшка, „а ты вотъ за обѣдней все сомнѣвалась, все смущала меня, не дала мнѣ спокойно служить; и что это у тебя въ головѣ все какія мысли бродятъ? не знаетъ, не узнаетъ, да за кѣмъ другимъ, а за тобой меньше „булавоchnой головки“ все буду знать. потому что за тобой особенно надо слѣдить, ты ужъ очень у меня мудреная: во всемъ разбираешься, до всего допытываешься, какъ, да что, все хочешь по своему, а этого никакъ нельзя!

А то разъ одна женщина подходитъ къ кресту и думаетъ: вотъ вѣдь батюшка другимъ даетъ просфорочки, а мнѣ конечно, не дастъ.

Прикладывается она къ кресту, а батюшка подаетъ ей 2 просфоры и говоритъ: не только одну, даже двѣ.

А то вотъ еще былъ замѣчательный случай батюшкиной прозорливости:

У одной молодой женщины былъ мужъ 4 года въ сумасшедшемъ домѣ.

Она очень любила его, такъ какъ хорошо прожила съ нимъ: онъ ее берегъ и лелѣялъ, хотя былъ гораздо старше ея, и она была выдана за него круглой сиротой.

Конечно она очень мучилась за мужа, зная его великія страданія, и первые 2 года его болѣзни, ей еще можно было навѣщать его, а послѣдніе 2 года—это было совсѣмъ лишнее, такъ какъ больной не узнавалъ жены, и каждый разъ такое посѣщеніе терзало еще больше ея наболѣвшую душу.

Батюшка, видя ея страданія за мужа и понимая, что такими посѣщеніями она растравляла свою душевную рану, запрещалъ ей навѣщать мужа, надѣясь, что время, лучшій цѣлитель всякаго душевнаго горя, скорѣе затушитъ ея тоску.

Но своевольная особа не хотѣла повясть всей благой цѣли запрета батюшки. Ей казалось это запрещеніе неправильнымъ, такъ какъ въ исполненіи его ей представлялось нарушеніе женнаго долга по отношенію къ больному мужу.

Но не смѣя ослушаться батюшки, она волей-неволей смирялась и покорялась.

И вогь однажды пришла ей въ голову „благая“ мысль: буду ходить къ мужу потихоньку, не спрашиваясь, батюшка и не узнаетъ; что все спрашиваться, я и такъ пойду!

Стоитъ она въ церкви и такъ думаетъ, а ужъ не смѣетъ подойти къ батюшкѣ за бла-

гословеніемъ, такъ какъ тайный голосъ говоритъ ей, что она очень скверно поступаетъ, рѣшаясь на такое своеволие.

Подаютъ лошадь батюшкѣ, она строитъ, провожаетъ его, а сама все старается спрятаться, чтобы не попасться ему на глаза, такъ какъ ей уже много разъ приходилось испытывать на себѣ случаи его дивнаго провидѣнія.

Садится батюшка въ сани, она стоитъ за спиной его и думаетъ: ну что, батюшка, видишь, пойду и не спросясь, а то еще не пускалъ, я и сама пойду.

Вдругъ батюшка оборачивается, прямо въ упоръ смотритъ на нее и говоритъ: „а кто сдѣлаетъ безъ спросу, тотъ останется безъ носу.“ Сказалъ, отвернулся и велѣлъ кучеру ѣхать.

Она однакоже не такія странныя повидимому слова не обратила должнаго вниманія и преспокойно пошла навѣщать мужа.

Что же! Немного не доходя до сумасшедшаго дома, переходя мостовую, она неосторожно прошла близко отъ ломовой лошади, которая стояла, дожидаясь своего хозяина.

Лошадь вдругъ схватила зубами за ея рукавъ и такъ сильно прокусила шубу, что добралась до руки.

Видитъ она: бѣжитъ мужикъ и кричитъ что-то ей, а она стоитъ ни жива, ни мертва, страшно испуганная.

Подбѣжалъ мужикъ, отдернулъ лошадь и говоритъ: „развѣ можно такъ близко подходить къ ней, еще счастье ваше что такъ обош-

лось, а то она могла бы вамъ голову проломить, или носъ откусить, она очень злая.“

— „Да гдѣ же ея намордникъ?“

Видитъ: намордникъ валяется на мостовой, какъ-то соскочилъ.

Несчастная особа та чуть не лишилась сознания отъ пережитаго тревоженія.

Рукавъ былъ у ней сильно разорванъ, рука болѣла и ныла. Кое какъ надѣвъ платокъ на плечи и прикрывъ разорванный рукавъ, она все таки пошла въ сумасшедшій домъ. Но оказалось, что почему то въ этотъ день ее не пустили, хотя пришла она въ пріемные часы: вѣроятно ея разстроенный видъ возбудилъ подозрѣніе, и ее побоялись пустить къ больному.

Итакъ, не достигнувъ цѣли, напрасно пройдя такой дальній конецъ, да вдававокъ еще переживъ такое потрясеніе, она измученная вернулась домой. Рука ужасно горѣла, стала она растирать ее, боясь опасныхъ послѣдствій такой лошадиной ласки.

Вдругъ точно кто озарилъ ее: это Господь наказалъ меня за мое непослушаніе, вѣдь батюшка же сказалъ мнѣ: „кто сдѣлаетъ безъ спросу, тотъ останется безъ носу“—и мужикъ вѣдь помянулъ: могла бы она вамъ носъ откусить.

Вполнѣ поняла она теперь, какъ опасно своевольничать и не слушаться мудраго наставника.

Теперь только она убѣдилась, что онъ все знаетъ, за всѣмъ слѣдитъ, обо всѣмъ забо-

тится, все охраняетъ. Страхъ быть сильно наказанной Господомъ за непослушаніе, глубокое сознаніе своего проступка—такъ все это подѣйствовало на нее, что ею овладѣло отчаяніе. А рука все пухнетъ и горитъ.

Съ горькими слезами взмолилась она батюшкѣ: „Прости, дорогой святитель, не накажи, больше не буду прогнѣвлять тебя, не дай мнѣ остаться безъ руки.“

Такъ плача и причитая, надумала она помазать руку батюшкинымъ святымъ масломъ, которое онъ самъ освящалъ.

И что же! сжалился Господь: рука еще пылаетъ, а боль утихаетъ, мало по малу жаръ уменьшается, къ ночи почти совсѣмъ проходитъ, только красноватая полоса еще свидѣтельствуютъ о бывшей опасности: смиловился Господь, услышалъ воцль ея и исцѣлилъ руку.

На утро, кое какъ натянувъ рукавъ на опухшую еще руку, она пошла въ церковь, стоитъ, дожидается батюшку, а сама думаетъ: ну разгнѣвался теперь батюшка на меня, совсѣмъ прогнать отъ себя. А батюшка идетъ, благословляетъ народъ, подходитъ къ ней и говоритъ: „Ну что? рука цѣла? Ну пожалѣлъ я тебя вчера, удержалъ лошадь, а то быть бы тебѣ безъ носу.“ А потомъ какъ бы размышляя о чемъ, говоритъ: „ишь вѣдь и намордникъ соскочилъ, ну счастлива ты, что все такъ обошлось, благодари Господа и помни, что значить не слушаться.“

Ну не дивный ли пастырь: почти что все-

онъ зналъ, только скрывался подъ покровомъ емиренія.

А то вотъ еще былъ страшный случай непослушанія съ той же бойкой особой: Захотѣлось ей куда-то поѣхать погостить, стала она просить батюшку, стала приставать, а батюшка все не пускаетъ ее, все не благословляетъ, такъ какъ приходилось ей уѣзжать изъ Москвы на долгое время, а дорогой настырь не любилъ отпускать отъ себя, такъ какъ зналъ, что такихъ особъ надо держать очень строго и постоянно слѣдить за ними.

Но упорная своевольница не унимается, все упрашиваетъ батюшку отпустить ее.

Видя, что съ ней добромъ ничего не подѣлаешь, батюшка рѣшается дать ей самой понять и увидѣть всѣ ужасныя послѣдствія ея своеволия.

Онъ отпускаетъ ее, благословляетъ. Поѣхала она довольная, что поставила на своемъ и достигла желаемого.

Что же! Приѣхала она, встрѣчаютъ ее, но только что входитъ она въ домъ, въ переднюю, какъ вдругъ половицы подъ ея ногами трещатъ, проваливаются, а она въ страхъ увязаетъ въ щепкахъ и осколкахъ дерева. Съ большимъ трудомъ вытаскиваетъ она одну ногу и ставитъ ее на цѣлую половицу, и эта опять обламывается, и она снова проваливается.

Стыдъ и непріятность такого жалкаго положенія, удивленные лица хозяевъ, которые въ недоумѣніи и съ предубѣжденіемъ посматриваютъ на странную гостью, появленіе ко-

торой ознаменовалось такимъ необъяснимымъ разрушеніемъ крѣпкаго пола—все это такъ подѣйствовало на упрямыцу, что она съ трудомъ выбравшись изъ подполья и немножко оправившись, рѣшается сейчасъ же отправиться обратно и вымолить у батюшки прощеніе за непокорность и упорство. Приѣзжаетъ въ Москву, идетъ къ батюшкѣ, бросается ему въ ноги и съ плачемъ проситъ простить ее.

А онъ улыбается и говоритъ: „что попалась, застряла“.

Вотъ какъ ужасно было не послушаться батюшки, какъ строго Господь наказывалъ за настыря.

Одна моя знакомая Анна Ивановна Вардашкипа захотѣла ѣхать въ Черниговъ. Батюшка не пускаетъ, отговариваетъ, но трудно покориться и смириться и разстаться съ любимой мечтой: давно ей хотѣлось побывать въ этомъ городѣ, а тугъ представляется удобный случай.

Нѣсколько разъ просила она батюшку, батюшка все не соглашался. Она все продолжала приставать. Тогда батюшка очень сердито благословилъ ее, какъ бы давая этимъ понять, что это противъ его желанія. Обрадовалась она, поѣхала вдвоемъ со своей знакомой.

Что же! Приѣзжаетъ въ Черниговъ, останавливается въ гостиницѣ, разбаливаются у ней вдругъ ноги, да такъ мучительно, что хоть на крикъ кричи.

Долго пришлось пролежать въ гостиницѣ, пока боль немного утихла, и явилась возмож-

пость, хотя съ великимъ трудомъ, доставить ее на поѣздъ и отвезти въ Москву. Приѣхала она домой совсѣмъ больная, долго еще пролежала въ постели, пока наконецъ батюшка, по слезной просьбѣ ея, смилостивился и простилъ ее.

Что же! съѣздила она въ Черниговъ, сдѣлала по своему, но вѣдь не удалось ей побывать ни въ одномъ храмѣ: то, что влекло ее туда, то было закрыто для нея, потому что она исполняла только свое желаніе, слушалась только своей воли, не согласуясь съ волей Божьей, что ясно давалъ ей понять дорогой пастырь, заранѣе предвидѣвшій печальную развязку ея своевольнаго поведенія.

Да все видѣлъ и предвидѣлъ батюшка! Не хотѣлъ онъ только показываться людямъ во всемъ величій своей мудрости.

Если нужно было кого укрѣпить въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ, откроеся, бывало, тому батюшка, пролетъ на того частичку своей мудрости и благодати, озарить лучами своего прозорливаго свѣта темную непросвѣтленную голову его и замкнется опять — выставляетъ себя обыкновеннымъ человѣкомъ.

Батюшка потому не раскрывался всегда въ своемъ дивномъ величій, что мы не смогли бы вмѣстить этого въ себѣ, не осмѣлились бы подойти къ нему по своей грѣховности, по своему ничтожеству.

И никакъ не могла уяснить себѣ, какъ это такой благодатный пастырь живетъ среди насъ грѣшныхъ, недостойныхъ.

Бывало я раздумываю: вотъ небольшой обыкновенный домикъ, небольшія комнатки, скромная мебель — и среди такой незатѣливой обстановки, какъ простой смертный, живетъ великій старецъ, который, по своему величію, долженъ бы былъ жить отдѣльно, въ какомъ нибудь особомъ освященномъ мѣстѣ, и начву я раздумывать объ этомъ, ничего не могу понять, никакъ постичь этого.

А дивный пастырь жилъ и проливалъ, великій свѣтъ кругомъ себя. Подойдешь, бывало, къ нему и чувствуешь такую особенную благодать, такую высшую отраду, умиротвореніе, успокоеніе, что никакими словами невозможно передать этого.

И не знаешь, какъ благодарить Господа, что Онъ послалъ въ міръ такого пастыря на радость и спасеніе всѣхъ живущихъ съ нимъ.

Со всей русской земли и даже изъ-за границы летѣли къ нему скорби и просьбы, со всѣхъ концовъ посылались телеграммы, зывающія о быстрой помощи исцѣленія и спасенія.

Сколько тысячъ людей поднимались со смертнаго одра по его святымъ молитвамъ. Сколько тысячъ несчастныхъ, скорбныхъ, измученныхъ получали благодать облеченія!

Всѣ письма читались батюшкой, всѣ скорби выслушивались, несчастія утишались.

Сколько тысячъ сиротъ и вдовъ бездомныхъ, одинокихъ кормилъ и одѣвалъ онъ; многимъ давалъ опредѣленные мѣсячныя

Ни одинъ бѣдный не уходилъ отъ него не-удовлетворенный, такъ что няня, больше 40 лѣтъ живущая у батюшки, свидѣтельница этой матеріальной помощи бѣднымъ, еще не вполне проникнутая сознаниемъ величія своего господина—пастыря, по простотѣ сердечной, считала, что бѣднота бѣжитъ къ батюшкѣ за „рублкомъ“, а потому съ пренебреженіемъ урезонивала „попрошаскъ“, упрекая ихъ за лѣнь и праздность, говоря, что лучше бы трудились, чѣмъ бѣгать за помощью. Но не за „рублкомъ“ шелъ бѣдный людъ. Дороже всего для него было батюшкино благословеніе, какъ знаменіе духовной помощи и подкрѣпленія.

Хорошо жилось всѣмъ, когда батюшка служилъ у „Нечаяннѣ Радости.“ Тихо подъ горкой служилъ онъ, не стѣсняясь продолжительностью службы, такъ какъ дьячокъ очень чтилъ батюшку и не тяготился подольше побыть во храмѣ.

Такъ бы, кажется, и не разстался, батюшка съ любимымъ храмомъ, но вдругъ вышло ему назначеніе въ Архангельскій Соборъ: онъ получилъ повышеніе, но не радовался этому: тихо и скромно было въ небольшой церкви, и ему было тамъ гораздо спокойнѣе и свободнѣе, чѣмъ въ видномъ Соборѣ. Не хотѣлось батюшкѣ переходить, съ горькими слезами разставаясь онъ съ Чудотворнымъ Образомъ Царицы Небесной, подъ покровомъ которой онъ такъ долго проливалъ благодать пастырскаго служенія.

Но дѣлать было нечего: приходилось покориться.

Сдѣлали батюшку въ Соборѣ главнымъ, окружили почетомъ.

Соборъ, дотолѣ мало кѣмъ посѣщаемый, вдругъ наполнился множествомъ молящихся: конечно вся батюшкина паства перешла вмѣстѣ съ нимъ въ Соборъ.

Начались тоже продолжительныя службы, но дорогой пастырь увидаль, что тутъ далеко не то, что было у „Нечаяннѣ Радости.“ Здѣсь было 4 дьячка, которые привыкли служить на скоро, и вдругъ приходилось теперь вычитывать и пѣть не спѣша съ благоговѣніемъ, такъ какъ батюшка строго слѣдилъ за правильнымъ исполненіемъ церковной службы. Начался тайный ропотъ, недовольство, пришлось бороться, покорять недовольныхъ и усмирять ихъ лаской и любовью.

Не высокомерно, а смиренно, кротко обращался батюшка со своими подчиненными, какъ бы подчиняясь самъ всѣмъ, и такимъ образомъ онъ мало по малу укротилъ недовольныя сердца и расположилъ къ себѣ.

Сначала искоса, съ недовольствомъ, относились къ нему, но потомъ видимо полюбили его и преклонились передъ нимъ, въ особенности—младшій изъ священниковъ—Платонъ Андреевичъ Воскресенскій такъ полюбилъ батюшку, что вполне увѣровалъ въ него и самъ сталъ обращаться къ нему за духовной помощью и совѣтами.

При продолжительномъ службахъ, когда у

батюшки было много причастниковъ, онъ помогаль батюшкѣ, вынималь просфоры и исповѣдываль.

Этотъ священникъ такъ сдѣлался вскорѣ кротокъ и смиренъ, что даже удостоился быть духовникомъ батюшки, который бывъ самъ свѣтомъ для всѣхъ, нуждался въ достойномъ духовникѣ для себя.

Другой же священникъ — отецъ Александръ, нѣсколько гордый, не могъ такъ проникнуться ся благодатью просвѣтленія, и нашъ пастыръ подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, стараясь уничтожить въ немъ остатки гордости, которая не выносить чужого превосходства.

Но все таки тяжело было батюшкѣ служить въ Соборѣ, жалко ему было своей паствы, такъ какъ здѣсь не предоставлялось ей тѣхъ удобствъ, той свободы, какъ въ церкви „Печальной Радости“.

Нѣтъ нѣтъ да и навернется начальство въ лицѣ благочиннаго, который терпѣть не могъ оригинальности и свысока, по начальнически, относился къ батюшкѣ.

Придетъ, бывало, онъ ненарокомъ въ Соборъ и увидитъ, что большинство женщинъ толпится на амвонѣ, дожидаясь благословенія батюшки.

Съ удивленіемъ посмотритъ онъ на такое вольное нарушеніе благочинія храма и сдѣлаетъ батюшкѣ замѣчаніе.

И терпитъ, бывало, за насъ дорогой пастыръ, крикнетъ на насъ, чтобы мы разошлись, не толпились, а какъ тутъ разойтись.

когда надо получить благословеніе. Не слушались мы батюшки, требовали своего, а начальство волнуется и раздражается.

Но батюшка не унываль, онъ видѣлъ, что къ должному порядку приучить свою паству невозможно, такъ какъ всѣ рвались къ нему, какъ къ цѣлебному источнику: лишь только послѣ службы покажется онъ изъ алтаря, какъ волна его духовныхъ дѣтей прямо бросается къ нему. Что тутъ будешь дѣлать!

Какой тутъ можно установить порядокъ! Приходится съ трудомъ проходить среди безчисленной массы жаждущихъ его благословенія.

„Пустите, пустите“ просить онъ, бывало, то съ угрозой, то съ досадой, но ничего не подѣлаешь, толпа не только не поддается, но еще больше тѣснится и прибываетъ, всѣ толкуются, чтобы только какъ пибудь подойти къ батюшкѣ, получить его благословеніе; и горе, великое горе тому, кому не удастся этого.

Мнѣ сколько разъ приходилось испытывать то ужасное чувство тоски и печали, когда не подойдешь къ батюшкѣ. Мѣста себѣ не находишь отъ горя, когда видишь, что пастыръ далеко, и нѣтъ никакой возможности подойти къ нему. Чувствуешь на себѣ гнѣвъ Божій, вѣришь, что по грѣхамъ своимъ не получаешь благословенія, но въ то же время никакъ не можешь смириться съ этимъ и покориться Божьей волѣ.

Но бывали и такіе случаи, что никакая толпа не могла помѣшать батюшкѣ благосло-

вить человека, если онъ по своему мудрому разуму, считалъ это необходимымъ.

Иногда стоитъ кто нибудь вдали, унылый и скорбный, стоитъ, потому что сознаетъ, что не сможетъ протолкнуться черезъ такую массу людей; вдругъ пастырь самъ раздвигаетъ народъ, самъ властно велитъ дать ему дорогу, прямо направляется къ тому человеку и не только благословляетъ, но еще согрѣваетъ своей благодатной лаской и тѣмъ вливаетъ въ больную душу несчастнаго теплоту вѣры и духовной радости.

Ничего казалось не было невозможнаго для батюшки, такъ какъ ему постоянно помогала благодать Божія.

Разъ, по случаю пріѣзда Государя, не было доступа въ Кремль, только и пускали въ Успенскій Соборъ, по случаю храмового праздника, а мы всѣ преспокойно пробирались въ Архангельскій Соборъ—истинно, что ангелы помогали всѣмъ среди строгой стражи проскользнуть къ батюшкѣ.

Пріѣдетъ батюшка въ Соборъ, благословляетъ, а самъ какъ будто удивляется, спрашиваетъ: „какъ это вы сюда попали?“

Помню, знаменательно произнесъ тогда батюшка, благословляя радостную толпу: „если Царь Небесный разрѣшилъ вамъ собраться здѣсь, то царь земной запрещать не будетъ“—и возликовали всѣ, видя въ этомъ особенную милость Божию, которая отворяла запертыя ворота и тѣмъ давала возможность помолиться въ любимомъ храмѣ.

Такъ священствовалъ въ Соборѣ батюшка!

Цѣлую недѣлю, начиная со всеобщей въ субботу и кончая обѣдней на другую субботу, онъ совершалъ божественныя Службы, причемъ сотни моельщиковъ наслаждались духовной радостью его служенія, слѣдующія 2 недѣли были не его, и батюшка въ нихъ служилъ по субботамъ и воскресеньямъ.

По субботамъ, Великимъ постомъ, батюшка говорилъ проповѣди причастникамъ, а также всегда говорилъ проповѣди по воскресеньямъ.

Въ одно изъ воскресей великаго поста, послѣ вечерни, бывала бесѣда батюшки.

Послѣдняя бесѣда его была—о проклятой смоковницѣ 31 Марта 1902 года. Это такая была чудная знаменательная проповѣдь, что потрясла сердца всѣхъ слушателей.

Долго говорилъ батюшка, объясняя значеніе этой притчи, постепенно развертывалъ весь ужасъ и всю пагубу безплодной жизни и бездѣятельности—духовной спячки человека, и, какъ на единственныя вѣрныя средства къ спасенію, онъ указывалъ на вѣру и горячую молитву.

Во всякое время поста и мясоѣда было у батюшки множество причастниковъ и причастницъ, и чудный безсребренникъ, онъ не только никогда не бралъ за исповѣдь, но даже самъ въ это время щедро одѣлалъ бѣдноту.

Батюшка пріѣзжалъ въ Соборъ въ 8 час. утра, начиналъ утреню въ это время ис-

повѣдывалъ, исповѣдь продолжалась и въ обѣдню.

Дѣтямъ батюшка позволялъ часто приобщаться Святыхъ Таинъ, по заповѣди Спасителя: не возбраняйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ, ибо таковыхъ есть Царствіе Небесное.

Многія духовныя дѣти его также удостоивались часто причащаться: батюшка, какъ самъ проникся глубокимъ сознаніемъ всей спасительности и чудотворности сего великаго Таинства, также и старался внушить это своей паствѣ.

Вотъ почему онъ доходилъ иногда до полнѣйшаго изнеможенія, а все таки, продолжалъ исповѣдывать и удовлетворялъ почти всѣхъ.

Сотни людей рвались въ исповѣдальню чтобы какъ нибудь попасть на исповѣдь. Но батюшка бралъ не по очереди: иной и впереди стоитъ, да остается, а другой и далеко стоитъ, да попадетъ.

„Вотъ этого-то или эту-то мнѣ и нужно“ скажетъ батюшка и выберетъ кого нибудь издали, изъ толпы.

Мужчины исповѣдывались въ алтарѣ, а женщины—въ исповѣдальнѣ. Неустанный труженикъ—пастырь и во время литургіи исповѣдывалъ, потому что жалко ему было лишить Святыхъ Таинъ своихъ духовныхъ дѣтокъ, которыя съ такой горячностью и жаждой рвались къ нему на исповѣдь.

И что это были за исповѣди! Какую, бывало, блаженную отраду ощущаешь послѣ такого благодатнаго врачеванія души! Мно-

гимъ батюшка самъ перечислялъ ихъ грѣхи. А нѣкоторымъ рассказывалъ вкратцѣ всю ихъ жизнь съ самаго ихъ рожденія до прихода ихъ къ батюшкѣ. „Я знаю день твоего рожденія и день смерти“ вотъ что пророчески сказалъ батюшка одной изъ своихъ духовныхъ дочерей.

Дастъ, бывало, батюшка на исповѣди какое нибудь наставленіе, и вся душа воспламенится огнемъ вѣры и умиленія, какая то особенная любовь и радость охватитъ всю душу, захочется жить, помогать ближнимъ, утѣшать, захочется трудиться, приносить пользу. Всякое горе, скорби исчезаютъ, кажется, ничего бы не желалось такъ, какъ постоянно пребывать въ этомъ Святомъ храмѣ, вѣчно бы быть около батюшки, слушать его спасительныя рѣчи.

И прославился Архангельскій соборъ, обогатился, украсился; обогатился причтъ, обогатились даже низшіе служители—солдаты.

Многіе посторонніе, конечно, удивлялись, почему такая несмѣтная толпа стремится къ батюшкѣ, удивлялись, видя въ толпѣ большинство женщинъ; конечно они, непросвѣщенные духовно, никакъ не могли уяснить себѣ этого, а между тѣмъ это было такъ просто: батюшка въ дѣлѣ спасенія больше жалѣлъ женщинъ, какъ слабыхъ безпомощныхъ созданий, онъ видѣлъ, какъ имъ опасно живется среди житейскихъ соблазновъ, а потому задался великою цѣлью: ограждать ихъ щитомъ вѣры и молитвы отъ мірской пошлости.

Чтобы описать всё дивные случаи чудесъ и исцѣленій батюшки, нужно бы было издать много много томовъ, такъ какъ каждый день его пастырскаго служенія ознаменовывался дивными проявленіями его мощи и силы.

Никакъ нельзя было постичь того, какъ смертный человѣкъ такъ могъ проникать въ малѣйшую изворотливость ума и сердца своихъ, пасомыхъ, видѣть пороки, недостатки ихъ—всю суетность грѣшной природы. Но это было истинно дивный избранникъ жилъ и спасалъ, вырывать изъ пропасти ада—грѣшниковъ и тѣмъ умножалъ свое словесное стадо.

Многочисленные исцѣленія также совершались, какъ и въ церкви „Нечаянной Радости.“ Развѣ возможно передать всё случаи головной или зубной боли, которую батюшка прекращалъ однимъ прикосновеніемъ своей ручки къ больному мѣсту.

Кто испыталъ на себѣ мучительность этого страданія, тотъ вполне понимаетъ, сколь отрадно было исцѣленіе, которое батюшка разливалъ кругомъ.

Живо припоминаю радость одного господина М. Н. Маслова, который долго мучился зубной болью: у него было сильное воспаление надкостницы, угрожала фистула. Испробовавъ неудачность медицинской помощи, онъ обратился къ батюшкѣ и сталъ жаловаться на мучительную боль.

Батюшка попросилъ его раскрыть ротъ и пальчикомъ нѣсколько разъ провелъ по

воспаленной деснѣ. Что же! боль сразу утихла, и онъ радостный возвратился домой. Вотъ что еще мнѣ рассказывала одна изъ батюшковыхъ духовныхъ дочерей—Марія Викторовна Викторова: пришла она разъ въ соборъ Великимъ постомъ къ вечернѣ послушать батюшкину бесѣду. Вдругъ сдѣлалось ей дурно, задыхается, падаетъ, не знаетъ, что и дѣлать. Пришла она на полъ, а уйти не хочетъ, потому что самъ батюшка будетъ говорить проповѣдь. Все хуже и хуже становится ей. Ну думаетъ умру и батюшку не увижу, а сама все мысленно проситъ батюшку подкрѣпить ее.

Слава Богу! дождалась батюшки. Вышелъ онъ на амвонъ, а самъ такъ и оборотился въ ея сторону, такъ пристально посмотрѣлъ на нее. „Что же чувствую я“, рассказывала она, „что при этомъ взглядѣ батюшки, какъ бы вдругъ какая тяжелая шуба спала съ меня, и сдѣлалось мнѣ такъ легко и хорошо, и я стала совсѣмъ здоровой, свободно простояла всю бесѣду, и когда батюшка уѣзжалъ, то благословилъ меня и спросилъ: „ну что испугалась?“

Никто не понялъ, никто не зналъ, а между тѣмъ явное чудо милости и помощи Божьей совершилось. Вотъ еще случай поразительнаго исцѣленія: болѣли у меня глаза, такъ что по временамъ совершенно застилались какъ бы черной пленкой, и невозможно было по вечерамъ ходить по улицѣ. Еще днемъ, бывало, кое какъ вижу, а вечеромъ совсѣмъ темно въ глазахъ: ничего не видать!

Что тутъ будешь дѣлать!

А вѣдь батюшка служить всенощную, надо идти.

Кое-какъ бывало бредешь съ краю по мостовой, такъ какъ на тротуарѣ попадаются разные ступеньки и приступочки, и легко можно упасть.

Спотыкаясь и падая, медленно подвигаешься впередъ, но идешь, потому что хочеться попасть за батюшкину службу.

Бывало догонитъ кто, нибудь изъ знакомыхъ, сжалится и поведетъ подъ руку. Ужасное безотрадное было положеніе, того и гляди упадешь и сломаешь себѣ руку и ногу, трудно и вести такую слѣпую.

Кое какъ съ горькимъ чувствомъ беспомощности дойдешь до собора, и что же! батюшка, видя меня въ такомъ несчастномъ положеніи, сейчасъ же спѣшилъ ко мнѣ на помощь. Подождешь подъ благословеніе, а онъ будто нечаянно проведетъ пальчиками по глазамъ, и что же! дивное величіе Божіе! сейчасъ же темная пелена спадаетъ съ глазъ, и дѣлается свѣтло, и возвращаешься изъ собора одна, совершенно свободно, и прославляешь и благодарить Господа.

Такъ постоянно врачевалъ батюшка меня въ соборѣ; но когда онъ самъ заболѣлъ и пересталъ служить, то не получая благодатнаго исцѣленія, я совершенно потеряла зрѣніе и днемъ почти ничего не видала, не различала оттѣнковъ цвѣта. Наступилъ постоянный мракъ, постоянное уныніе.

Что мнѣ было дѣлать слѣпой, одинокой, никому не нужной? Трудиться я не могла, потому что какая же педагогическая дѣятельность безъ зрѣнія?

Приходилось влечить жалкую безцѣльную жизнь!

Но батюшка—сама любовь и состраданіе не далъ погибнуть мнѣ горькой сиротѣ.

Узнавъ о моей слѣпотѣ, онъ велѣлъ мнѣ лечиться, послалъ къ опытному окулисту Филатову, который ужаснулся, видя вмѣсто глазъ какую то воспаленную безформенную массу. Хотя не было никакой возможности, путемъ обыкновенной медицинской помощи, возстановить зрѣніе, но батюшка властно приказалъ мнѣ лечиться, и докторъ, по его просьбѣ, взялся за многотрудное дѣло. Молитва и помощь цѣлителя батюшки быстро дѣлали свое: путемъ прижиганія, пусканія какихъ то капель въ глаза возстановлялась нужная матерія, совершалось чудесное возстановленіе погибавшаго органа, докторъ самъ пораженъ такому удивительному случаю; совершенно атрофированный органъ опять получалъ прежнюю силу и способность; и я теперь, слава Богу, вижу и продолжаю занятія, благодаря которымъ могу жить и кормиться. Приводили „порченныхъ“ къ батюшкѣ для исцѣленія. Одну такую больную съ трудомъ могли сдержатъ 4 мужчины, она все металась и колотилась, не хотѣла подходить и кричала: „сѣмъ, сѣмъ.“

Наконецъ съ трудомъ удалось подвести ее.

Тогда батюшка стоялъ на амвонѣ, давалъ цѣловать святой крестъ послѣ молебна.

Увидавъ ее, онъ обернулся къ алтарю, она же все металась и бранила батюшку, крича, что онъ измучилъ ее не даетъ ей покою.

Тогда батюшка обернулся къ ней, ударилъ ее крестомъ по головѣ, она упала и затихла.

Батюшка повелительно сказалъ ей; „встапъ“ она встала, приложилась къ кресту и пошла совершенно спокойная и здоровая.

А то на моихъ глазахъ былъ вотъ еще какой случай исцѣленія. Привелъ какой-то мужичекъ въ соборъ, совершенно согнутую женщину, она не могла даже поднять головы, которая пригнулась къ ногамъ; невозможно было безъ жалости смотрѣть на такое ненормальное положеніе туловища и головы.

Подвелъ мужичекъ ее къ батюшкѣ, батюшка немного нагнулся къ ней и громко сказалъ: „погляди на меня“. Казалось, батюшка требовалъ невозможнаго, потому что все туловище неправильно срослось, и голова не могла подняться.

„Погляди на меня“, опять повторилъ батюшка, и что же! больная, какъ бы по дѣйствию какой-то силы начинаетъ понемногу разгибаться, и хотя слегка поднимаетъ голову кверху и смотритъ на пастыря, а онъ вѣсколько разъ благословляетъ ее и отсылаетъ съ миромъ домой.

Еще 2 или 3 раза мнѣ пришлось ее видѣть въ соборѣ, и каждый разъ все больше и больше разгибалась ея сведенные члены,

и тѣло приняло наконецъ хотя наклонное но почти нормальное положеніе — приняло человѣческой видъ.

Одной больной надо было сдѣлать операцію, такъ какъ у ней была очень опасная внутренняя болѣзнь. Послала она въ соборъ къ батюшкѣ попросить его святыхъ молитвъ, а батюшка прислалъ просфору. И вотъ какъ рассказывала сама больная; „только что я съѣла кусочекъ просфоры, такъ вдругъ точно что внутри упало мнѣ въ ноги, боль утихла, и я стала поправляться.“ Уже достаточно окрѣпнувъ, поѣхала она въ соборъ благодарить батюшку, а батюшка тутъ же взялъ ее на исповѣдь, причастилъ Святыхъ Таинъ, и больная совершенно выздоровѣла.

А то вотъ еще что рассказывали мнѣ: одна еще довольно молодая женщина Зинаида Андреевна была при смерти: ей надо было сдѣлать операцію, но доктора не рѣшались, потому что больная была слишкомъ слаба и не въ состояніи была перенести операціи.

Несчастный мужъ ея приходилъ въ отчаяніе. Господь видно сжалился надъ нимъ и послалъ исцѣленіе.

Случайно, въ это время, къ кухаркѣ ихъ Татьянѣ пришла сестра, которая знала батюшку, и всегда бывала въ Соборѣ.

Узнавъ о тяжкомъ горѣ въ семьѣ, она посоветовала обратиться къ батюшкѣ и просить его святыхъ молитвъ и помощи.

Братъ умирающей сейчасъ же поѣхалъ къ

батюшкѣ, который жилъ въ это время на дачѣ.

Батюшка припаялъ его, и первыя его слова были: „какъ Вы узнали обо маѣ?“

Приѣхавшій передалъ батюшкѣ, какъ было дѣло, и кто имъ указалъ обратиться къ нему за помощью.

„Ахъ это Маша моя“ возразилъ пастырь.

„Чѣмъ я могу быть Вамъ полезенъ?“ рассказывайте—продолжалъ пастырь и внимательно выслушалъ все.

Потомъ онъ взялъ 3 образа: Божьей Матери, „Благодатное Небо“ и Цѣлителя Паптілеймона и велѣлъ передать больной.

Наконецъ подалъ ему просфору и сказалъ: „а эту просфору пусть больная скушаетъ“.

Приѣхавшій поспѣшилъ сообщить батюшкѣ, что больная давно уже ничего не можетъ проглотить. „Ничего, дайте ей кусочекъ просфоры, а потомъ $\frac{1}{4}$ чашки бульону, пусть она подкрѣпится, а завтра я приѣду къ вамъ благословлю больную.“

Взволнованный и радостный уѣхалъ домой посѣтитель.

Узнавъ о скоромъ посѣщеніи батюшки, больная сразу оживилась, съѣла кусочекъ святой просфоры, выпила $\frac{1}{4}$ чашки бульону и почувствовала себя гораздо лучше.

На другой день приѣхалъ батюшка, прямо прошелъ къ больной и долго стоялъ молча, около кровати, больная видѣла, какъ онъ шевелилъ губками и смотрѣлъ на святые иконы, прося Господа исцѣлить ее.

Благословивъ и ободривъ больную, батюшка уѣхалъ, попросивъ ее выпить $\frac{1}{2}$ чашки бульону и съѣсть котлетку.

Больная видимо стала поправляться. Еще разъ батюшка навѣстилъ ее, послѣ чего она совсѣмъ выздоровѣла.

Вотъ какія были чудесныя исцѣленія! Развѣ возможно ихъ все описать и перечислить!

Если батюшка, приобщая ребенка, покрывалъ лицо его чашей, то это былъ несомнѣнный знакъ, что ребенокъ скоро умретъ.

Лаская однажды младенца дѣвочку, Женю Фролову, батюшка высоко полнялъ ее, какъ бы отдавая ее Господу па небо, и сказалъ: „прощай, дѣточка, молись за меня“—и дѣвочка вскорѣ неожиданно заболѣла и умерла.

У одной женщины А. М. Бузлаткиной появилась на лицѣ опасная рожа: все лицо превратилось въ опухшую массу. Пошла я къ батюшкѣ и попросила помолиться за нее.

Батюшка далъ мнѣ рубль и сказалъ: „снеси ей“.

Какъ только увидала больная присланный рубль, такъ съ благоговѣніемъ стала цѣловать и прикладывать къ опухшему лицу. Что же! Тутъ же почувствовала она себя гораздо лучше, а черезъ нѣсколько дней рожа безслѣдно прошла.

Вотъ какіе были чудесные случаи исцѣленія!

Да развѣ возможно пересказать все, что совершалъ, и какъ исцѣлялъ батюшка!

Все духовныя дѣти его—эго вѣнцы его чудесъ и исцѣленій—все они видѣли его чу-

деса, и рѣдко кто изъ нихъ не былъ вырванъ имъ отъ смерти или опасности.

Какъ мощный дивный орелъ, постоянно парилъ онъ надъ своимъ духовнымъ стадомъ и охранялъ слабыхъ, малыхъ, неопытныхъ овецекъ отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Заранѣе зналъ онъ: гдѣ и кому грозитъ опасность, заранѣе предупреждалъ ихъ, дисциплинируя упорныхъ и своевольныхъ, награждая покорныхъ и послушныхъ.

А если только замѣтитъ, что сильный бьетъ слабого, сѣчасъ же вступится за обиженнаго и придетъ къ нему на помощь.

Вотъ дивный случай его покровительства и защиты.

Одна уже немолодая женщина Марѳа Евдокимовна, очень чтившая батюшку и около 20-ти лѣтъ жившая подъ его спасительнымъ руководствомъ, въ ужасномъ горѣ подходитъ разъ къ батюшкѣ и говоритъ: „батюшка, сестра выгнала меня отъ себя и не велѣла больше приходить къ ней.“

„Что это ты говоришь!“ утѣшаетъ ее добрый пастырь, „какъ выгнала?“ Она комнату тебѣ заново убрала, оклеила новыми обоями. Полировала мебель, бѣлыя занавѣски повѣсила, такъ все и блеститъ — а ты, говоришь: выгнала, иди ка посмотри да не плачь, плакать не о чемъ!“

„Что это толкуетъ батюшка!“ подумала она; про какую это комнату онъ говоритъ, видно шутить, чтобы успокоить меня, и, по правдѣ сказать, не придала она значенія

этимъ словамъ, такъ какъ сестра ея, уже давно недовольная ею, за ея „шатање“ по церквамъ, рѣшилась совсѣмъ отдѣлаться отъ нея и преспокойно утромъ выгнала ее изъ своей квартиры и выбросила всѣ ея вещи въ сарай.

А потому обиженная женщина, не смотря на приказаніе батюшки, не пошла изъ церкви къ сестрѣ, а пошла къ теткѣ, которая жила на одномъ дворѣ съ сестрой ея.

Сидитъ она, убитая горемъ, и рассказываетъ теткѣ объ утреннемъ происшествіи, вдругъ вбѣгаетъ ея сестра, и говоритъ: „пойди ка, посмотри, какъ я комнату твою убрала, новая жилища переѣдетъ, пойдѣмъ ка со мной!“

Печальная изгнанница, конечно, и не смотритъ на свою сестру, такъ какъ еще кипитъ въ ней злоба за ея утреннюю продѣлку, но сестра ея начинаетъ умолять ее простить ее и пойти съ пей посмотреть комнату.

Дѣлать нечего, согласилась она.

Приходитъ и видитъ, что комната оклеена новыми обоями, мебель полирована, занавѣски бѣлыя, а въ переднемъ углу висятъ всѣ ея иконы, которыя утромъ были вынесены изъ комнаты.

Всѣ ея вещи стоятъ на прежнемъ мѣстѣ: все такъ и блеститъ.

Ничего не понимая, озирается она кругомъ; вдругъ батюшкины слова промелькнули у нея въ головѣ: „твоя комната заново оклеена, мебель полирована, занавѣски бѣлыя повѣшены“.

Не смогла она дольше выдержать, съ воп-

лями и рыдавіями упала передъ святыми иконами и стала громко высказывать: пророкъ, чудотворецъ, святитель все то ты знаешь, все рѣшительно, а сама такъ и рыдаетъ, викакъ не можетъ успокоиться.

Долго она плакала, долго съ благодарностью прославляла Господа за такую защиту помощь.

Сестра ея, слыша неповятныя ей слова: „пророкъ чудотворецъ,“ въ недоумѣніи поглядывала на нее, болель за ея разсудокъ.

Но когда она, успокоившись, передала сестрѣ батюшкины дивныя слова, то послѣдняя съ своей стороны рассказала, какъ батюшка вразумилъ ее поправить ея утреннее „злодѣяніе.“

„Выпроводивъ тебя“ — такъ передавала она выгнанной сестрѣ своей — „я не находила мѣста отъ внутренней ужасной тоски и упрековъ совѣсти.“

„Мнѣ какъ бы кто властно приказывалъ опять помириться съ тобой и выпросить прощенье за обиду. Вдругъ я надумала заново оклеить комнату, какъ можно лучше убрать ее и поставить твои вещи на прежнее мѣсто.“

Сразу же я почувствовала себя легко и отраднo и быстро принялась исполнять свое намѣреніе.

Ну какъ же послѣ этого не убѣдиться, что батюшка былъ осѣнецъ великой благодатью, которая раскрывала ему невидимое, объясняла незнаемое.

И вотъ теперь, когда не стало дорогого

пастыря теперь только вполнѣ понимаешь, кого лишились люди въ лицѣ его.

Куда ни пойдешь, повсюду такой стонъ и вопли безъ него, такая нищета въ семьяхъ, нужда, уныніе, безотрадность, что и не понимаешь, какъ эти несчастныя вдовы и сироты, безродныя, одинокія, будутъ жить безъ батюшки.

Многіе съ горя и отчаявія бросились по другимъ пастырямъ, ища поддержки и отрады, но не удовлетворилось въ своемъ исканіи и стремленіи и уныло должны были сознаться, что не найти имъ ничего подобнаго, и что надо оставаться теперь въ тоскѣ и безотрадности.

Но перейду опять къ служенію батюшки въ Архангельскомъ Соборѣ.

Много уже лѣтъ священствовалъ пастырь въ соборѣ, еще много много лѣтъ надо бы было пожить ему на землѣ, такъ какъ онъ былъ истиннымъ духовнымъ наставникомъ, которому дана была великая власть отъ Господа: рѣшать и вязать грѣхи людскіе.

Но вотъ стало ослабѣвать здоровье у дорогого пастыря, сталъ онъ жаловаться на ножки, но еще не оставлялъ онъ трудовъ своихъ — попрежнему, руководилъ паствою.

Однакоже болѣзнь все усиливалась, и принужденъ былъ батюшка оставить служеніе.

Испугались, зарыдали все духовныя дѣти, съ воплями и мольбами обратились ко Господу прося Его не брать отъ нихъ дорогого пастыря.

Сильно захворалъ батюшка: все слабѣлъ и слабѣлъ, сами доктора уже отчаялись.

Но тамъ, гдѣ измѣняется человѣческая помощь, тамъ проливается Божіе милосердіе: видно сильны были вопли несчастныхъ, видно ужасно было отчаяніе всѣхъ духовныхъ дѣтей, которыя не видя своего дорогого пастыря и слыша о его тяжелыхъ страданіяхъ, со всей горячностью возопили ко Господу, прося Его оставить имъ на землѣ дорогого отца ихъ — наставника.

Сжалился милосердый Господь, пожалѣлъ Онъ несчастную паству, зная, что безъ батюшки всѣ ослабѣютъ, изнемогутъ и оставилъ Онъ еще на землѣ своего избранника на радость и утѣшеніе всѣхъ.

Стали поправляться пожки, переѣхалъ батюшка на дачу, окрѣпъ силами и съ новой энергіей опять принялся утѣшать и подкрѣплять своихъ дѣтокъ: опять начались радостныя службы, опять началось духовное врачевство.

Немощи и слабости людскія, физическія боли, душевныя потрясенія возбуждали всегда такое состраданіе въ батюшкѣ, что онъ готовъ былъ все взять на себя, лишь бы не видѣть чужого горя, все прощалъ онъ людямъ, все оправдывалъ, одного только требуя отъ нихъ, чтобы въ вихрь не потухалъ тотъ огонекъ вѣры и любви ко Господу, который онъ возжегъ въ нихъ своими словами и благословленіемъ.

Среди своей неустанной дѣятельности ба-

тюшка все таки находилъ возможность посѣщать своихъ духовныхъ дѣтей.

Что это были за радостныя посѣщенія!

Боленъ ли былъ кто, помолвка ли гдѣ или вообще семейное торжество — сейчасъ же бывало соберется батюшка, и иногда въ вьюгу — непогоду ѣдетъ хотя бы на край Москвы, чтобы укрѣпить и освятить своимъ благодатнымъ пастырскимъ присутствіемъ радостныхъ хозяевъ.

Ни одно важное дѣло въ семьяхъ его духовныхъ дѣтей не совершалось безъ благословенія — непременно заранѣе даютъ знать батюшкѣ, и онъ, дорогой покровитель всѣхъ, лично или заочно спѣшилъ укрѣпить его своей молитвенной помощью и благословленіемъ, и чудная святая душа его радовалась, что всѣ такъ любятъ его, что всѣ такъ счастливы и ликуютъ, видя его у себя въ своихъ квартирахъ. По несмотря на свои великія духовныя силы и энергію, батюшка все таки физически и изнемогалъ Великимъ постомъ.

Сотни исповѣдниковъ, продолжительныя службы, а главное усиленныя молитвы и воздержаніе изпуряли великаго труженика, такъ что къ концу поста батюшка иногда прерывалъ служеніе и оставался дома на 6 и 7-омъ недѣлѣ.

Разъ помню на 5-ой недѣлѣ Великаго поста батюшка заболѣлъ и не пріѣзжалъ въ Соборъ.

Загоревала, застонала паства!

Многіе еще не успѣли поговѣть, разсчиты-

вая на послѣднія недѣли, и вдругъ приходилось оставаться къ празднику безъ Великаго Таинства. На Страстной недѣлѣ ему сдѣлалось совсѣмъ плохо, такъ что домашніе его опасались за его жизнь: сильный порокъ сердца могъ прекратить ее.

Съ трепетомъ и ужасомъ ждали всѣ конца поста, привялись опять усиленно молиться за батюшку, заказывать обѣдни, а батюшка совсѣмъ ослабѣвалъ.

Въ Великую пятницу призвалъ онъ меня съ моею подругой, съ которой мы вмѣстѣ жили по его благословенію, поставилъ передъ иконой Божіей Матери „Нечаянной Радости,“ которая находилась въ его пріемной комнатѣ, самъ всталъ на колѣночки и долго долго молился.

Потомъ сталъ прощаться съ нами, намекая, что онъ оставляетъ насъ, и что мы увидимся съ нимъ только тамъ, въ будущей жизни,

Пораженные ужасомъ и тяжелой скорбью, мы ничего не понимали, что все это значитъ и промучились всю ночь, ожидая чего-то ужаснаго невозможнаго.

Еще счастье наше, что эту ночь можно было провести въ церкви, по случаю погребенія Господня.

Съ какой горячей слезной мольбой просила я Господа оставить съ нами батюшку и не допустить насъ до гибели.

Да мучительно—долгая была та ночь! Что пережилось и перечувствовалось и пересказать невозможно!

Едва дождавшись утра, пошла я справиться о здоровьѣ батюшки, вхожу въ кухню, а сама такъ и замираю, боясь услышать что-нибудь ужасное. Но, слава Богу, няня сообщила, что батюшка еще поживаетъ.

Какая тяжесть свалилась съ плечъ! Если уже Великую пятницу пережилъ батюшка, то еще было надежда на выздоровленіе.

Помню, такъ отрадно сдѣлалось на душѣ послѣ мучительной ночи.

Великая суббота прошла, а въ Свѣтлое Христово Воскресеніе батюшкѣ, слава Богу, стало лучше, только говорили очень страдалъ онъ до Свѣтлой Заутрени: тяжело было дышать ему, все просилъ открыть форточку и дожидая радостнаго благовѣста, а какъ ударили къ Свѣтлой Заутренѣ—такъ и воскресъ дорогой пастырь, ожилъ духомъ и возрадовался, что дождался свѣтлаго Христова Воскресенья.

Совершилось великое чудо—батюшка остался на землѣ: Господь опять вынулъ горячимъ мольбамъ духовныхъ дѣтей, сжалился надъ горемычнымъ людомъ и еще продлилъ жизнь пастыря.

Въ концѣ Святой недѣли батюшка уже принималъ нѣкоторыхъ близкихъ своихъ, а тамъ вскорѣ поѣхалъ на дачу и оправился.

И лѣтомъ ее оставлялъ батюшка своей паствы, пріѣзжалъ съ дачи и служилъ въ Соборѣ.

Кажется, чего бы лучше ему было пожить на дачѣ, взять отпускъ, отдохнуть.

Итъ! батюшку не манилъ лѣтній отдыхъ. „Тамъ, въ будущей жизни отдохнемъ, а здѣсь будемъ трудиться“—вотъ какими словами онъ побуждалъ свою паству къ труду.

Но несмотря на свое ангельское терпѣніе и состраданіе къ людямъ, батюшка все больше и больше изнемогалъ съ пародомъ, который со всѣхъ сторонъ тѣснилъ и давилъ пастыря.

Чуть не плачетъ бывало, дорогой батюшка, видя, что многочисленная толпа тѣснится къ нему, и нѣтъ ему никакой возможности выйти изъ собора: ни мольбы ни угрозы—ничего не помогаетъ—всѣ рвутся за благословеніемъ, всѣ толкаются, стремясь поцѣловать ручку или хотя прикоснуться къ одеждѣ пастыря, а того какъ бы и не хотятъ понять, каково ему послѣ 5-ти часоваго стоянія въ церкви, послѣ усиленныхъ молитвъ и возношеній, проходить среди разнаго порочнаго грѣховнаго люда!

Да все терпѣлъ великій труженикъ, отдавши всего себя на утѣшеніе и спасеніе людей, а они какъ бы и не цѣнили этого, давили и толкали, безъ благоговѣнія иногда прикасались къ нему и за это получили они достойное наказаніе: лишились батюшкинаго служенія въ Соборѣ.

Ужасное событіе совершилось въ Мартѣ 1902 года—батюшка потерялъ зрѣніе.

Еще съ Августа мѣсяца 1901 года сталъ батюшка жаловаться, что зрѣніе его слабѣетъ, особенно беспокоилъ его одинъ глазъ, кото-

рый быстро сталъ тускнѣть и атрофироваться.

Странное необъяснимое явленіе! Лучистые благодатные глаза батюшки стали тускнѣть и погашаться, и сами врачи окулисты не могли объяснить этого.

Кто говорилъ, что это отъ переутомленія, кто отъ нервнаго потрясенія, кто объяснялъ это малокровіемъ, истощеніемъ организма отъ усиленной дѣятельности, говорили, что темная вода въ глазахъ, и оттого они лишены способности правильно воспринимать лучи свѣта.

Но какъ тамъ ни объясняй, а за грѣхи наши послано намъ было такое великое испытаніе: лишиться благодатнаго служенія великаго пастыря.

И самъ батюшка обременился отъ тяжелой непосильной ноши вашихъ грѣховъ и беззаконій; мы всѣ ясно видѣли и сознавали, что разрѣшая насъ отъ грѣховъ, допуская часто къ пріобщенію Божественныхъ Таинъ, батюшка всю нашу грѣховность, все наше недостойнство восполнялъ подвигами усиленнаго воздержанія, усиленными горячими мольбами за насъ ко Господу, чтобы онъ простилъ намъ наши грѣхи и беззаконія и сподобилъ бы насъ неосужденно причаститься Его Божественныхъ Пречистыхъ Животворящихъ Таинъ.

Но и послѣ сего благодатнаго врачевства мы не унимались, продолжали грѣшить и небрежничать; требовалось какое нибудь сильное потрясеніе, которое могло бы оконча-

тельно отрезвить нерадивыя сердца и очистить ихъ воплями самаго некрепняго, самаго горячаго покаянія. Раскаяніе мытаря—благоугодно Господу, только сокрушенную смиренную душу Господь принимаетъ къ себѣ.

И такъ пропало зрѣніе—оно было принесено батюшкой на алтарь любви ко Господу за ближнихъ, какъ жертва Ему благоприятная. Эта самоотверженность окружила батюшку такимъ сіяніемъ, такой благодатью, что поистинѣ многіе не выносили его свѣту, и подошедши, не могли посмотрѣть на него.

Да! Самъ батюшка, восхотѣлъ пострадать, чтобы спасти и привести ко Господу своихъ духовныхъ дѣтей—такъ истинно вѣрують они и съ величайшимъ благоговѣніемъ и благодарностью преклоняются передъ такой великой жертвой!

Дѣйствительно великая жертва!! Каково было батюшкѣ при его неустанной дѣятельности и подвижности остаться безъ глазокъ, не видѣть свѣту Божьяго, не созерцать красотъ природы.

Каково было ему, вѣчно бодрствующему, вѣчно дѣятельному; въ свободное время отъ служенія читающему или пишущему проповѣди и сочиненія—лишиться этой духовной отрады; каково было ему, привыкшему всюду ѣздить, всюду дѣйствовать самому—отдать себя подъ охрану и водительство другихъ.

Не стало зрѣнія, не стало благодатнаго служенія въ соборѣ, кончилось общее молитвенное собраніе его духовныхъ дѣтей въ хра-

мѣ-общія воздыханія—началась замкнутая жизнь пастыря.

Но батюшка не оставлялъ своихъ пастырскихъ трудовъ: нельзя было служить въ Соборѣ, врачевать и утѣшать въ храмѣ, но вѣдь можно же было принимать дома—вразумлять и наставлять всѣхъ.

Открылись для всѣхъ двери батюшкинаго домика, и всѣ несчастные, бездольные, измученные—побѣжали туда, прося отрады и утѣшенія. И всѣхъ, кого нужно, принималъ дорогой пастырь. Если не видѣлъ онъ вѣшними очами, то сразу обозрѣвалъ приходившихъ внутреннимъ духовнымъ окомъ, сразу видѣлъ кто, и съ какимъ дѣломъ приходитъ къ нему, сразу облегчалъ, утѣшалъ, помогалъ.

Кто же не могъ самъ придти, тотъ обращался письменно, и никакія письма и телеграммы не оставались безъ отвѣта и облегченія. Страждущіе и больные получали выздоровленіе, скорбящіе и несчастные—радость и успокоеніе.

А какое множество бѣдныхъ и нищихъ по прежнему питалось отъ великихъ щедротъ старца—благодѣтеля! Цѣлыя семьи кормились имъ.

Случалось, что вдругъ глава семьи заболѣетъ и лишится мѣста; жена дѣти сидятъ голодныя, холодныя. Узнаетъ объ этомъ батюшка и сейчасъ же спѣшитъ къ несчастнымъ съ великой помощью: обезпечить деньгами семью, а тамъ постарается опять устроить на хорошее мѣсто труженника—отца—и семья

спасена и радостная благодарить Господа за дорогого помощника.

Гдѣ нужно было тамъ и большой суммой поддерживалъ батюшка пуждающихся: случалось, что мать семейства оставалась безъ средствъ послѣ смерти мужа; узнаетъ о такомъ несчастномъ положеніи семьи дорогой пастырь и немедленно отзовется своимъ чуткимъ любвеобильнымъ сердцемъ: доставить матери подходящій трудъ, а дѣтей устроить въ заведенія или живущими или приходящими, самъ платитъ за нихъ, самъ содержитъ. И все тайно дѣлалъ драгоцѣнный батюшка, старался, чтобы никто изъ постороннихъ не узналъ объ этомъ, все больше дѣлалъ и помогалъ черезъ другихъ, а самъ оставался въ сторонѣ. Многихъ сиротокъ—дѣтей устраивалъ въ знакомыя семьи, которыя изъ-за любви къ батюшкѣ, обращались съ ними, какъ съ родными, и не только пристраивалъ такъ дѣтей, но и взрослыхъ, одинокихъ дѣвицъ.

Жалко было батюшкѣ, что многія сиротки—дѣвушки тоскливо ютились по жалкимъ комнаткамъ, среди пьяныхъ, страшныхъ хозяевъ, и пристраивалъ онъ ихъ въ хорошія знакомыя семьи, упрашивая пріютить одинокихъ дѣвицъ, сторицей вознаграждая за такую милость.

И конечно изъ благоговѣнія и любви къ батюшкѣ, богатыя семьи съ радостью принимали и ютили у себя сиротокъ и вполне оправдывали довѣріе къ нимъ пастыря, такъ какъ дѣйствительно обращались съ

безродными и бездольными дѣвушками, какъ съ родными.

И все это дѣлалось батюшкой—все было ему доступно!

Черствыя, окаменѣлыя сердца богачей растоплялись, съ готовностью откликались на чужое горе и изъ безчувственныхъ и жадныхъ дѣлались чуткими и сострадательными.

И такъ шесть лѣтъ жилъ и благотворилъ всеѣмъ батюшка, безъ зрѣнія, слабый, почти все это время больной, такъ какъ порокъ сердца мучительно беспокоилъ его и производилъ частые тяжелые припадки.

Онъ жилъ въ небольшой квартиркѣ около фабрики Рыбаковой, на берегу Москва-рѣки выѣзжалъ кататься въ хорошую погоду, и тогда многіе осмѣливались подходить къ крыльцу за батюшкинымъ благословленіемъ. Приѣдетъ пастырь съ гулянья, иногда совсѣмъ больной, усталый, а все таки не можетъ такъ пройти въ домъ, чтобы не благословить.

„Кто тутъ стоитъ?“—бывало спросить онъ дочку свою, которая всегда ѣздила съ нимъ кататься, или няню—и назовутъ ему пришедшихъ, а онъ сейчасъ же ручку въ кармашекъ и достаетъ денегъ, чтобы помочь нуждающимся.

Особенно любилъ батюшка ѣздить въ храмъ Божій: или ко всенощной подь большіе праздники или же утромъ къ обѣднѣ.

Иногда избиралъ батюшка отдаленные храмы и посѣщалъ ихъ, такъ что многіе изъ его духовъ-

ныхъ дѣтей наслаждались радостью видѣть батюшку въ своемъ приходскомъ храмѣ.

И батюшка, истинный служитель Христовъ, который долженъ бы былъ красоваться на самомъ видномъ мѣстѣ, смиренно вставалъ гдѣ нибудь сзади, въ уголокъ и изливалъ передъ Господомъ молитвенное величїе своей пламенной души.

Всѣ свои деньги раздавалъ пастырь, не могъ видѣть бѣдноты, такъ скорбѣлъ, когда слышалъ о недостаткахъ, нищетѣ въ семьяхъ.

Особенно обильно расточалъ батюшка свою щедрую помощь къ праздникамъ Рождества Христова и Воскресенія Христова и одѣлялъ бѣдныхъ красивыми прочными матерїями. Съ любовью и благодарностью принимались изъ ручекъ батюшки эти матерїи, изъ которыхъ шились скромныя платья, какъ благодатное одѣяніе пастыря—покровителя.

Лишившись зрѣнія, батюшка видимо сталъ ослабѣвать физически; не было ужъ той тѣлесной крѣпости и бодрости, какъ прежде.

Статный и величественный въ Соборѣ, онъ сталъ худѣть и стариться. Бѣло—сѣдые волосы окаймляли блѣдное похудѣвшее личико, тусклые глаза свидѣтельствовали о томъ великомъ лишенїи, которое долженъ былъ ощущать великій пастырь.

Вѣдь страшно подумать—6 лѣтъ пришлось прожить во тьмѣ, въ самой тяжелой схимѣ, 6 лѣтъ пришлось постоянно быть въ зависимости отъ домашнихъ, которые водили его, какъ ребенка.

Еще счастье, что постоянно была около него преданная дочка, которая почти никуда не отлучалась отъ дорогого папы, предупреждая малѣйшее его желанїе, а онъ, какъ любящїй отецъ, и за нее страдалъ, потому что понималъ, что трудно ей, молодой дѣвушкѣ, все время проводить съ нимъ безъ отдыха и развлеченїя. А сколько докторовъ лѣчили пастыря! Видя что домашніе беспокоятся объ его здоровьѣ и просятъ его непремѣнно лѣчиться, батюшка отдалъ себя на распоряженїе врачей и во всемъ слушался ихъ медицинскихъ совѣтовъ.

Онъ даже отправлялся въ Харьковъ къ знаменитому окулисту, который придумалъ помочь батюшкѣ электричествомъ, отчего пастырь окончательно ослабѣлъ, и пришлось отмѣнить такое бесполезное для него лѣченїе.

Всѣ столъ его въ кабинетѣ былъ заставленъ лѣкарствами, цѣльный день приходилось принимать то, то другое, чтобы только успокоить дочерей, которыя настаивали на необходимости медицинскаго врачевства.

И пастырь—само врачевство и исцѣленїе—слушался указанїй медиковъ, которые едва ли что могли разгадать въ его сложныхъ изурительныхъ болѣзняхъ.

Не понимали они, что благодатный старецъ, врачующїй и исцѣляющїй другихъ, по своему великому смиренїю, выставялъ себя простымъ смертнымъ, которому несбодимы обыкновенныя врачевства, не понимали они что Духъ Святой, всегда пребывающїй въ немъ,

въ одинъ мигъ могъ бы исцѣлить всё его немощи, если бы это было угодно волѣ Божьей, и если Господь такъ допустилъ пострадать ему, то видно пастырь самъ восхотѣлъ этого: изъ жалости къ намъ, чтобы не дать намъ погибнуть во грѣхахъ и избавиться вѣчныхъ мученій—опъ самъ страдалъ за насъ—поистинѣ онъ душу свою положилъ за други своя.

Не имѣя возможности перомъ продолжать свой письменный трудъ, батюшка выучился на пишущей машинкѣ и постепенно велъ свои мемуары—какъ это онъ самъ говорилъ нѣкоторымъ близкимъ лицамъ.

Днемъ обыкновенно читали батюшкѣ газеты или книги, а по вечерамъ пріѣзжалъ къ нему его другъ—какъ батюшка самъ называлъ его, одинъ бывший помѣщикъ Митрофанъ Николаевичъ Масловъ, который больше 26 лѣтъ былъ подъ пастырской охраной батюшки.

Довольно умный и развитой, онъ умѣлъ поразвлечь батюшку, сообщая прочитанныя новости повседневной общественной жизни.

Любилъ батюшка этого барина и зорко слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, потому что многихъ трудовъ стоило пастырю вытащить его изъ вязкой трясины свѣтской суеты и пошлости.

Съ великимъ трудомъ поставленъ онъ былъ на крѣпкую почву чистоты духовной жизни, каждодневно проливалъ на него батюшка благодать подкрѣпленія и освященія, и надо сказать—славное дѣло совершилось!

Изъ прежняго фата онъ сдѣлался духовно чистымъ обновленнымъ христианиномъ, такъ что пріятно было поговорить съ нимъ—чувствовалось вѣяніе твердой вѣры и любви къ Господу, какъ бы самое малое отраженіе батюшкиной благодати. И утѣшался батюшка, радуясь на дѣло рукъ своихъ, крѣпко охранялъ онъ его, шагъ за шагомъ духомъ слѣдовалъ за нимъ, не давая ему уклониться въ сторону, зорко наблюдая за всѣми его дѣлами мыслями и чувствами, лучше бывало другимъ откажетъ, а ему—въ ночь—полночь всегда открыты двери, когда нужно, приходи, обращай со всѣми своими дѣлами и сомнѣніями; иногда батюшка ѣздилъ кататься съ нимъ, а лѣтомъ бралъ его съ собой на дачу.

Правда, тяжело было этому помѣщику послѣ прежней суетной жизни очутиться въ скромной обстановкѣ замкнутой духовной жизни, но батюшка сумѣлъ такъ размягнуть сердце его, что оно возгорѣлось блаженной любовью къ батюшкѣ, благоговѣніемъ и преклоненіемъ передъ величіемъ пастыря.

Вся жизнь его была полна батюшкой, всякое письмо отъ батюшки цѣловалось и прочитывалось безъ конца.

Какъ слабое безпомощное, дитя, онъ слушался безпрекословно дорогого наставника и съ великой готовностью исполнялъ всякое его желаніе.

Онъ помогать многимъ бѣднымъ, стѣсняя себя во всемъ, онъ жилъ для другихъ, согрѣвая ихъ лаской и привѣтомъ.

Чтобы угодить батюшкѣ, онъ ни передъ чѣмъ не останавливался—дѣйствительно ни одинъ сынъ не можетъ такъ любить отца, какъ онъ любилъ и благоговѣлъ передъ великимъ пастыремъ—отцемъ своимъ духовнымъ.

Вотъ какія были духовныя дѣти у батюшки! Вотъ какіе, можно сказать, мощные, маститые члены общества—этотъ помѣщикъ былъ прежде предводителемъ дворянства и вообще виднымъ и дѣльнымъ лицомъ въ городѣ Козловѣ—Тамбовской губерніи—смирненно и благоговѣнно склоняли свои головы и падали ницъ передъ дивной премудростью и духовнымъ обаяніемъ великаго старца.

Тотъ, кто хотя отчасти понималъ батюшку, тотъ считалъ за несказанное счастье принадлежать къ его духовному стаду, будь онъ хотя на высшей ступени общественнаго положенія.

Но здоровье батюшки видимо угасало. Сердечные припадки стали учащаться, они были такъ велики и опасны, что каждый разъ грозили смертельнымъ исходомъ, въ особенности они были сильны ночью, такъ что была докторъ, которые съ трудомъ могли приводить въ чувство пастыря.

Крайняя слабость и изнеможеніе—были послѣдствіемъ этихъ трудныхъ припадковъ.

Станъ его еще недавно прямой и крѣпкій—сталъ сильно сгибаться и ослабѣвать, ручки сильно похолодали и похудѣли, а ножки такъ распухли, что съ трудомъ можно было ступать на нихъ. Но не смотря на свои великія

страданія дорогой утѣшитель—пастырь все время принималъ посѣтителей.

Особенно онъ любилъ и не оставлялъ семью своихъ домохозяевъ—Рыбаковыхъ и своихъ старушекъ.

Старушками назывались 2 женщины, особенно благоговѣвшія передъ батюшкой. Одна въ нихъ старица Александрюшка, которая 20 лѣтъ знала батюшку и была свидѣтельницей безчисленныхъ его чудесъ и исцѣленій, безчисленныхъ ею чудесъ и исцѣленій; она была посылаема батюшкой въ семьи его духовныхъ дѣтей и пользовалась всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Другая, Дуняша—помоложе посылалась батюшкой въ болѣе бѣдныя семьи, какъ вѣстница мудрости, матеріальной и нравственной поддержки и помощи батюшкиной. Обѣ онѣ за свою преданность и за горячую молитву особенно были отличаемы пастыремъ.

Бывало домашніе съ превеликимъ трудомъ поднимутъ батюшку съ его кушетки, одѣнутъ, умоютъ и выведутъ въ залу, посадятъ на кресло и онъ, едва поднимая ручку для благословенія, все таки промолвитъ вѣсколько словечекъ, особенно лаская своихъ старушекъ—своихъ питомицъ, на которыхъ онъ положилъ столько старанія, чтобы укрѣпить ихъ въ подвигахъ добра, и молитвы.

Хотя на вѣсколько минутокъ, а приметъ ихъ батюшка и успокоится, радуясь, что все-таки благословилъ ихъ и подкрѣпилъ своимъ пастырскимъ словомъ.

Видѣлъ любящій пастырь ихъ безграничную любовь и преданность, чувствовалъ съ какой горькой тоской и печалью смотрѣли онѣ на своего ненагляднаго батюшку—Ангела хранителя; понималъ онъ, какъ тяжело имъ и безконечно горестно видѣть его исхудалое, страдальческое личико, слышать его слабый, прерывистый голосъ.

Чуткимъ любящимъ сердцемъ понималъ онъ, какъ онѣ будутъ томиться и страдать безъ него; зналъ, что скоро его душа улетитъ высоко, высоко и оставитъ ихъ на землѣ сирыми и одинокими.

Да! жалко было пастырю оставлять своихъ бѣдныхъ преданныхъ дѣтокъ, понималъ, онъ, какъ ужасно имъ всею будетъ жить безъ него, безъ его совѣтовъ и указаній, и молился за нихъ, горячо, горячо молился за нихъ, чтобы милосердый Господь не далъ бы имъ погибнуть и поддержалъ бы ихъ въ одинокомъ безотрадномъ сиротствѣ.

Вотъ почему онъ собиралъ свои послѣднія силы и принималъ каждодневно хотя немногихъ чтобы подкрѣпить ихъ на стезѣ горя и одиночества.

Бывало отлично сознаешь, что совѣстно беспокоить больного пастыря, но неудержимымъ порывомъ рвешься къ нему, хотя конечно и слышишь ропотъ и осужденіе за безсовѣтное злоупотребленіе милостью и добротой батюшки—рвешься, такъ какъ невозможно же не стремиться къ лучезарному солныш-

ку, разливающему повсюду лучи, потоки отрады и утѣшенія.

Но мало по малу силы совсѣмъ измѣняли батюшкѣ: уже и вставать и ходить стало ему трудно, тогда дочери усаживали его въ кабинетѣ на кресло и выдвигали кресло въ залу къ народу.

Но такъ какъ головка не могла держаться прямо и все клонилась книзу, то и такой способъ приѣма посѣтителей скоро сталъ невозможенъ, тогда вынесли купетку въ залу, усадили батюшку, и онъ сидя принималъ народъ, благословивъ и отпустивъ, сейчасъ же ложился, такъ какъ головка не могла долго держаться на вѣсу, и надо было скорѣе ее уложить на подушки.

Пожки уже до того распухли, что были обуты въ широкія туфли. Видно уже было, что дорогой пастырь быстро таялъ и угасалъ, такъ что послѣднее время допускались къ нему очень немногіе, остальные должны были довольствоваться печальными слухами объ ухудшеніи здоровья и о близкой потерѣ самаго дорогого, самаго неоцѣннаго ихъ сердцу сокровища, безъ котораго имъ трудно будетъ дышать и двигаться.

Всеобщіе стоны и вопли—картина горя и отчаянія такъ была велика и ужасна, что никакими словами невозможно описать и передать той внутренней душевной тоски, которую долженъ былъ испытывать каждый, кто зналъ и любилъ батюшку—всеобщаго Ангела хранителя и утѣшителя.

Такъ и думалось, что всѣ эти несчастные люди окончательно пропадутъ съ тоски и горя, если имъ придется услышатъ о роковой потерѣ.

Пока еще былъ живъ батюшка, все еще была хоть искра надежды, все еще цѣла была та саломинка, за которую всѣ утопающіе хватались съ такой неудержимой радостью, а если бы она исчезла, тогда казалось нельзя было и жить!

Но часы шли, а сердце мучительно ныло и стонало.

Наступилъ Іюль, вся семья собралась около батюшки, пріѣхала старшая замужняя дочь его, двѣ другія тоже почти неотлучно были при немъ, и вполне понятно, какъ тяжело имъ было видѣть, что ихъ дорогой папа, совсѣмъ изнемогающій и умирающій, принимаетъ народъ.

Пробовали онъ его уговорить повреженитъ и собраться съ силами, но батюшка восхотѣлъ до самаго конца своей жизни принимать народъ, такъ какъ служило для него утѣшеніемъ то, что его помнятъ и приходятъ повѣстить.

Многихъ онъ даже благодарилъ, что пришли къ нему, а къ вѣкоторымъ обращался съ просьбой: „не оставляйте меня, не покидайте меня“.

Чудный смиренный пастырь, кто же могъ его оставить и позабыть! Незадолго до своей кончины, онъ далъ какъ бы завѣтъ всѣмъ „когда умру, идите на мою могилку и повѣ-

дайте мнѣ все, что вамъ нужно, и я услышу васъ, и не успеете еще вы отойти отъ нея, какъ я все исполню и дамъ вамъ. Если кто даже и за версту отъ моей могилки обратится ко мнѣ, то и къ тому я отзовусь: И вотъ наконецъ наступила послѣдняя роковая недѣля!

Всѣмъ какъ то особенно было тяжело и душно. Такъ и чувствовалось приближеніе чего-то ужаснаго. Всю почти недѣлю дорогой пастырь принималъ народъ.

Зналъ онъ, что наступаютъ его послѣдніе дни и прощался со своей паствой, такъ что многіе на этой недѣлѣ получили послѣднее прощальное благословеніе.

Слабый, уже совсѣмъ изнемогшій пастырь собиралъ свои послѣднія силы, чтобы до самаго конца довести славное дѣло своей благодатной просвѣтительной дѣятельности, своего сѣянія повсюду добрыхъ сѣмянъ вѣры и добродѣтелей.

И какъ то особенно бывало замретъ сердце, когда приложишься къ худенькой холодной ручкѣ; какъ бы чувствовалось, что эти драгоценныя пальчики, осѣняющіе всѣхъ знаменіемъ святаго креста скоро застынутъ и окоченѣютъ, чувствовалось, что это блѣлое лучезарное личико скоро скроется, спрячется въ глубокую землю, что-то нестерпимо давящее сжимало сердце—предчувствіе скорого ужаснаго бѣдствія.

Понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвергъ пятница медленно прошли; уныло и скорбно подходили къ батюшкѣ.

Въ передней раздавались плачь и рыданіе— это плакалъ кто-нибудь пораженный страдальческимъ видомъ пастыря, который еле слышно могъ говорить, съ трудомъ поднималъ ручку для благословенія.

Однакоже дорогіе чудные звуки его голоса слабо еще слышались, какъ бы возвѣщая всѣмъ, что и они скоро замрутъ на вѣки. Всѣ тревожно, съ великой печалью, выходили изъ домика, вполнѣ уже сознавая, что все кончено.

Но никакъ не могъ еще понять никто, какъ это можно будетъ жить безъ батюшки — всѣмъ казалось это невозможнымъ.

Не видѣть батюшки, не слышать его голоса—это казалось такимъ ужасомъ, что бывало вся замрешь при одной только мысли объ этомъ.

Въ пятницу батюшка принималъ въ послѣдній разъ, въ субботу 19-го Іюля онъ былъ уже настолько слабъ, что не принялъ даже старушекъ.

Ночь подъ воскресенье была особенно тяжела для батюшки, ночью пріѣзжалъ докторъ, вызванный по телефону, къ утру стало какъ будто получше, и въ 11-омъ часу опять пріѣхалъ докторъ Корниловъ... и вотъ тутъ то совершилось то, что считалось всѣми нами величайшимъ несчастіемъ въ жизни—батюшка тихо скончался, дождавшись своихъ старушекъ, которыя пришли на кухню узнать о его здоровьѣ. Итакъ все было кончено!

Никакими словами невозможно изобразить общей горести, общаго рыданія!

Быстро облетѣла всѣхъ страшная вѣсть, и подавленная, убитая горемъ и отчаяніемъ несчастная паства стала собираться на первую панихиду.

И вотъ на столъ положили облеченнаго въ бѣлую священническую ризу незабвеннаго пастыря.

Да! Это онъ лежитъ теперь неподвижный, безгласный; онъ еще здѣсь со своими дѣтками! Онъ видитъ ихъ ужасное непосильное горе и ему любящему, жалко всѣхъ своихъ сиротокъ!

Вѣдь они ему всѣ дороги!

Сколько слезокъ пролилъ онъ за cadaго, умоляя Господа спасти его и помиловать.

Сколько совѣтовъ и вразумленій потрачено имъ на нихъ, чтобы очистить ихъ, освятить благодатью Святого Духа и такимъ образомъ сдѣлать ихъ достойными чадами Божьими!

Ни одна мать не лелѣяла и не холила такъ ребенка, какъ этотъ чудный пастырь вразумлялъ и оберегалъ каждую свою малую овечку.

Всѣхъ ему было жалко при жизни, а тѣмъ болѣе жалко теперь, когда онѣ собрались у его тѣла и съ нѣмымъ ужасомъ стоятъ какъ застывшія, окаменѣлыя, и молитъ онъ Господа, чтобы Онъ утѣшилъ несчастныхъ, облегчилъ ихъ тяжкое горе; горячо горячо молится за всѣхъ пастырь, такъ какъ знаетъ что безъ помощи свыше никому не перевести этой нестерпимой душевной тоски и муки.

И услышалъ Господь молитву праведника: влилъ въ сердца скорбящихъ отраду и облегченіе.

Какъ при тяжелыхъ операціяхъ боль замираетъ дѣйствиємъ наркоза, такъ и при такой ужасной утратѣ—горе и отчаяніе, глубина душевныхъ страданій—весь ужасъ сиротства и одиночества—утихали дѣйствиємъ благодати Божьей.

Торжественное пѣніе при панихидахъ, какое то особенное великолѣпіе провожанія благодатнаго пастыря въ міръ славы и блаженства, многочисленная толпа, съ великимъ трепетомъ подходящая къ дорогимъ останкамъ все это создало какое-то особенное благоговѣніе къ дивному усопшему.

Въ комнатѣ вѣяло что-то благодатное неземное.

Вотъ вотъ вдругъ запоесть бывало сердце, когда вспомнишь, что, случилось что-то ужасное, но сейчасъ-же точно кто запретитъ тебѣ предаваться тоскѣ и отчаянію.

Торжественный выносъ тѣла въ приходскій храмъ, ко всенощной, сопровождаемый многотысячной толпой, благолѣпіе вечерней службы, безчисленныя панихиды—все это было такъ необычайно, что невольно говорило о величій преставшагося, котораго самъ Владыка и Царь Славы почтилъ особенной Своей милостью—особеннымъ торжествомъ провожанія въ иной лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печалей, ни воздыханья.

Всѣ переулки на пути шествія съ тѣломъ батюшки во храмъ были заполнены народомъ: всѣ толпились впередъ, всѣмъ хотѣлось повидать гробъ великаго служителя Божьяго! Мно-

гіе тутъ же съ горячей мольбой взывали къ усопшему пастырю, прося его молитвъ и заступничества передъ Господомъ.

Добрый священникъ приходского храма, послѣ окончанія всенощной, видя великое душевное горе людей, безмолвно стоящихъ у гроба, чтобы сколько нибудь утѣшить ихъ, нѣсколько разъ поднималъ воздухъ, давая всѣмъ песказанную радость повидать дорогое личико родимаго батюшки.

И лежалъ онъ, какъ живой, ясный лучезарный!

„Смотрите!“ какъ бы говорилъ онъ всѣмъ: „не горюйте, вѣль я съ вами и всегда буду помпть васъ и заботиться объ васъ!“ а сложенные пальчики, какъ бы въ подтвержденіе этого благословляли всѣхъ на новый самостоятельный путь добра, любви и состраданія другъ къ другу. Почти до полуночи толпилися чародъ у гроба не въ состояніи уйти отъ своего ненагляднаго отца—покровителя.

Кажется, всю ночь остались бы они у дорогого тѣла, чтобы насладиться возможностью подольше напоследокъ побыть около своего пастыря.

Но храмъ заперли, пришлось разойтись по домамъ.

На утро съ 4 часовъ опять пришли ко гробу. Началась вскорѣ равняя обѣдня, послѣ которой служились панихиды, и вотъ въ это время происходило особенное умиленное прощаніе духовныхъ дѣтей со своимъ горячо—любимымъ пастыремъ.

Съ горькими воплями цѣловали они дорогую ручку, которая при жизни такъ часто благословляла и освящала ихъ.

Чтобы сохранить какую нибудь вещьцу на память, приносили чистые платки или ватку и прикладывали къ ручкѣ батюшки и сохраняли у себя все это, какъ особенную святыню, какъ послѣдній даръ отъ того, кто при жизни такъ щедро одѣлялъ ихъ своими дарами.

Невозможно было безъ слезъ смотрѣть на всю эту картину горя и разлуки.

Меня особенно тронулъ слѣдующій случай чисто—дѣтской вѣры въ батюшку: одинъ очень богатый и видный господинъ, не имѣя, вѣроятно, при себѣ лишняго платка, тоскливо посматривалъ на этотъ обмѣнъ чувствъ глубочайшаго благоговѣнія передъ пастыремъ и его отеческой ласки. Вдругъ какъ бы вспомнивъ что, онъ беретъ за карманъ, вынимаетъ чистую бумажку, вѣроятно записку объ упокоеніи батюшки, и проситъ приложить ее къ ручкѣ батюшки, потомъ съ радостью цѣлуетъ ее и бережно прячетъ въ верхній карманъ, видимо счастливый такимъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ.

Стало собираться начальство и полиція. множество священниковъ и дьяконовъ явилось отдать послѣдній долгъ усопшему.

Два Преосвященныхъ пріѣхали тоже почтить отпѣваніе тѣла великаго пастыря.

Началась поздняя литургія и отпѣваніе тѣла почившаго.

Это было что-то особенное: точно безчисленное воинство небесное само совершало чинъ послѣдняго земнаго напутствія и провожанія пастыря въ свои горнія обители, въ царство славы того, Кого сей священнослужитель такъ прославлялъ здѣсь на землѣ своими дѣлами вѣры и милосердія.

Да! кончилась великая труженическая страдальческая жизнь пастыря, но не окончилось славное дѣло добра и помощи! Пастырь лежитъ бездыханный, но многотысячная паства его, вся какъ одинъ человекъ, горячо, горячо молить его около его гроба, не оставить ее, не дать ей погибнуть въ житейскомъ плаваніи—но вывести ее на твердый желанный берегъ спасенія и красоты, и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ приклоняется передъ нимъ, принося ему самое искреннее, самое великое спасибо.

Да! великое спасибо тебѣ, дорогой нашъ учитель: ты далъ намъ драгоценныя сокровища. Ты далъ намъ вѣру въ необъятное бытіе Божіе, въ необъятную благость Его; ты далъ намъ надежду на спасительность и чудотворность горячей молитвы; ты далъ намъ любовь къ Сладчайшему Спасителю: да въ понять нашимъ грѣшнымъ омраченнымъ сердцамъ блаженство и несказанную сладость приобщенія Пречистаго Тѣла и всечестной Крови Его.

Да! великое спасибо тебѣ, чудный дѣятель Христовой Церкви. Не пожелалъ ты и рѣчей себѣ у гроба, ни вѣнковъ, ни погребаль-

ной пышной колесницы, но взгляни кругомъ и порадуйся—все это спасенныя тобою овечки—твое побѣдоносное, славное знамя! Сколько милліоновъ людей вырвано тобою изъ пропасти грѣха и падевія, сколько милліоновъ людей спасено тобой отъ пьянства и разгула, сколько молодыхъ жизней украшено чистотой и невинностью, сколько дѣтей выращено духовно прекрасными и цѣломудренными.

Врямо поражаешься, что одинъ пастырь могъ произвести такія великія дѣла среди житейскаго хаоса и водоворота—воистину самъ всемогущій Господь былъ его Помощникомъ и Покровителемъ!

Вотъ кончилось отпѣваніе; въкоторыхъ еще допустили проститься съ пастыремъ и закрыли гробъ: раздались неудержимые вопли и рыданія.

Съ пѣніемъ понесли гробъ пастыря вокругъ храма—это пастырь прощался съ храмомъ—мѣстомъ своего земного служенія. Безчисленная толпа слѣдовала и спѣшила за гробомъ, съ трудомъ полиція оцѣпила кольцомъ шествіе, такъ какъ начиналась сильная давка.

Дорогіе остатки батюшки попеременно несли его духовныя дѣти, радуясь, что Господь удостоилъ ихъ понести драгоценное тѣло.

Всѣ улицы и переулки на пути шествія съ тѣломъ были заполнены народомъ.

Впереди несли святыя иконы и хоругви. Это было всеобщее торжество и ликованіе!

Ясный солнечный день, духовная красота крестнаго хода—все это вызывало особенное благоговѣніе въ окружающихъ.

Большой дубовый крестъ несенъ былъ впереди, какъ знамя побѣды усопшаго надъ грѣхомъ и смертию.

Принесли тѣло батюшки на кладбище—мѣсто послѣдняго упокоенія.

Глубокая могила была приготовлена рядомъ съ могилкой супруги батюшки. Всѣ какъ-то особенно тѣснились къ ней, какъ бы желая заглянуть въ ту глубокую пещерку, которая сокроетъ отъ нихъ ихъ лучезарное солнышко. И вотъ гробъ великаго пастыря въ послѣдній разъ высоко высоко подняли и опустили въ могилку. Все было кончено! все совершенно; дорогое тѣло предано землѣ и засыпано.

Похоронили батюшку на Вагавьковскомъ кладбище, лежащемъ за Прѣсенской заставой.

Всевозможныя вѣтви трамвайнаго пути прорѣзываютъ теперь Москву и даютъ возможность жителямъ сообщаться съ отдаленными заставами и дальними уголками.

Одна изъ такихъ вѣтвей идетъ отъ Семеновской заставы, проходитъ черезъ Лубянскую площадь, Охотный рядъ, по Никитской и Прѣсенской улицамъ до Прѣсенской заставы, отъ которой кладбище лежитъ на разстояніи 10—15 минутъ ходьбы.

Отъ сборнаго пункта главныхъ вокзаловъ. Николаевскаго, Троицкаго, Казанскаго, отъ Смоленскаго, Курскаго, Нижегородскаго и

другихъ вокзаловъ можно съ пересадкой, скоро и удобно добраться до Ваганьковского кладбища.

Могилка батюшки находится въ 3-ьемъ разрядѣ, въ концѣ 3-ей лѣвой дорожки, ведущей отъ церкви. Пройдя дорожку, дѣлаешь поворотъ на право и сейчасъ же видишь справа 3 большіе дубовые креста, которые вольно поражаютъ взоры проходящихъ и призываютъ къ молитвѣ и умиленію.

Средній крестъ, подъ которымъ именно и покоятся дорогіе останки пастыря—нѣскольکو больше другихъ крестовъ; справа отъ него стоитъ крестъ надъ могилой его супруги, скончавшейся около тридцати лѣтъ тому назадъ; а слѣва крестъ, на которомъ художественно написано Распятіе, стоитъ надъ могилой сестры супруги батюшки, которая до самой своей кончины (25 Мая 1904 года) жила въ семействѣ батюшки.

На среднемъ крестѣ, на мѣдной доскѣ начертана надпись „подъ крестомъ моя могила, на крестѣ—моя любовь“. Она гласитъ о Сладчайшемъ Спасителѣ, къ Которому постоянно такъ стремилась праведная душа пастыря, и Которому онъ такъ пламенно служилъ во всю свою труженическую, страдальческую жизнь, (средній крестъ былъ поставленъ тутъ же послѣ погребенія пастыря, два другіе нѣсколько позднѣе.)

Долго стоялъ горемычный народъ около вновь появившейся могилки. Кончилось зем-

ное счастье, настала одна безотрадность и одиночество!

Къ вечеру разошлись все по домамъ, унылые и скорбящіе.

Не стало пастыря на землѣ, но народъ бѣжитъ къ дорогой могилкѣ: здѣсь повѣдываетъ онъ батюшкѣ свои нужды и печали, изливаетъ свою тоску и горе и уходитъ утѣшенный, успокоенный.

Какая тишина и благодать около могилки! Кажется, все стоялъ бы и наслаждался въ этомъ мѣстѣ мира и упокоенія, и по вѣрѣ его духовныхъ дѣтей и здѣсь совершаются чудесные случаи помощи и исполненія пастыря.

Вѣчная слава тебѣ, дорогой незабвенный труженикъ, общій другъ и благодѣтель! Ты воздвигъ себѣ здѣсь на землѣ вѣчный несокрушимый памятникъ, вѣруемъ, что ты получишь вѣнецъ славы и блаженства на небѣ!

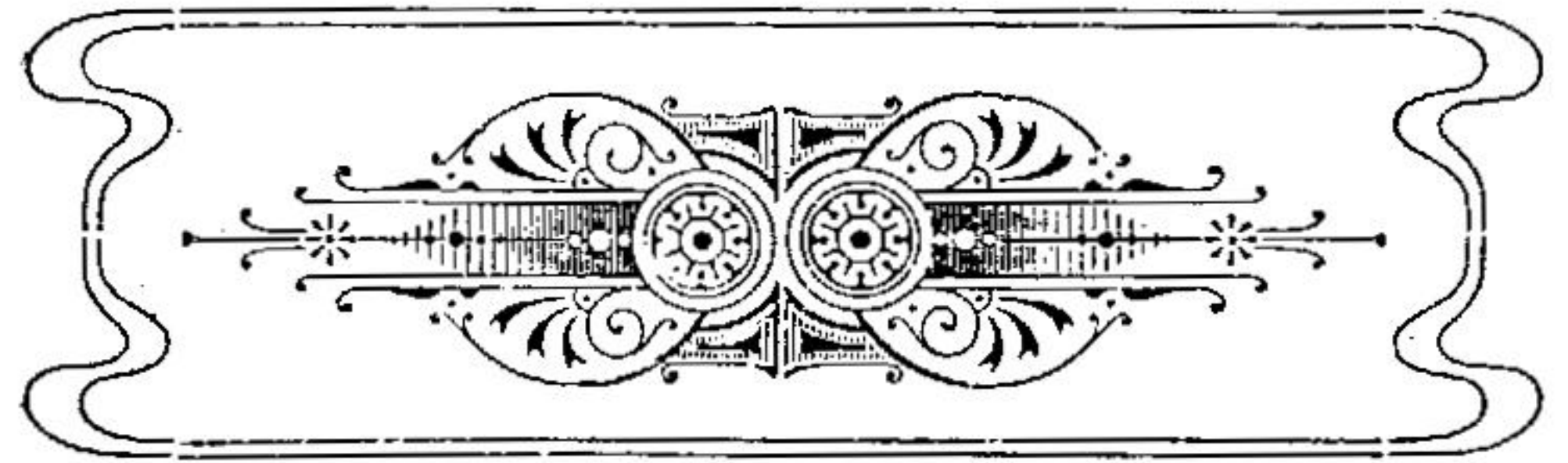
Сіяй-же теперь въ чертогахъ райской красоты и наслаждайся лицезрѣніемъ Того, величное имя Котораго ты такъ прославлялъ на землѣ подвигами добра и милосердія.

Но и въ блаженныхъ обителяхъ своихъ вспоминай хотя немножко о насъ, пожалѣй насъ, несчастныхъ сиротъ, въ нашемъ великомъ неутѣшномъ горѣ, научи насъ, умудри насъ, какъ намъ жить и дѣйствовать, чтобы сохранить твои благіе завѣты и не заглушить въ себѣ то доброе сѣмя вѣры и правды, которое ты насадилъ въ насъ своими спасительными совѣтами и наставленіями Аминь.

Часть вторая.

Когда начинаешь хорошенько углубляться въ себя и раздумывать о великой дѣятельности незабвеннаго пастыря Валентина Николаевича Амфитеатрова, то какая нескончаемая вереница отдѣльныхъ личностей и безчисленныхъ семей проходитъ передъ глазами.

Вотъ основательница общины „Утоли моя печали“ въ Лефортовѣ — княгиня Наталья Борисовна Шаховская, — общины сестеръ милосердія, которая своей нравственной выдержкой, своимъ умѣлымъ, истинно-христіанскимъ уходомъ за больными прославились на всю Россію.

Чьими молитвами, чьей помощью эта дотолѣ бѣдная и незначительная община такъ украсилась и возвеличилась и стала на ряду первоклассныхъ учрежденій санитарной и школьной благотворительности.

Сама княгиня рассказывала, что прочное основаніе и украшеніе ея общины — это дѣло великаго милосердія Божьяго, ниспосланнаго ей по молитвамъ великаго ходатая — батюшки.

Неизвѣстно откуда появлялись архитектора и подрядчики, которые умоляли княгиню принять безвозмездно ихъ услуги, которыя они приносили какъ посильную лепту дѣлу благотворительности.

Мастера, рабочіе, матеріаль — все присылалось тайнымъ благопопечителемъ батюшкой, который упросилъ Господа дать этой общинѣ правильное благоустройство и сдѣлать ее твердыней добра и помощи.

И сама княгиня, въ своемъ бѣломъ апостольникѣ съ благоговѣйнымъ страхомъ передъ батюшкой была олицетвореніемъ вѣры и смиренія и служила всѣмъ прекраснымъ примѣромъ подражанія и удостовѣренія того, что и почетъ, и знатность и чины, и титулы — все падаетъ ницъ передъ величіемъ пастыря.

Ея высокій, разносторонній умъ давалъ ей возможность быть полезной собесѣдницей батюшки, а обширныя связи съ высокопоставленными лицами дѣлали ее дѣльной помощницей батюшки при его попеченіяхъ о несчастной бездольной, неустроенной братіи.

Въ своихъ болѣзняхъ она первымъ дѣломъ всегда прибѣгала къ батюшкѣ и получила по молитвамъ его — исцѣленіе.

Дочь ея, баронесса Дельбигъ, пріѣзжая изъ Италіи, всегда считала за счастье повидатьсь батюшкой и получить благословеніе.

А эти многочисленные знатные господа и дамы: Звѣревы, Корниловы, Пупышевы, Беклемишевы Ясунинскіе и другіе... вся эта по-

четность, знатность и богатство — все наперерывъ спѣшили своими услугами угодить батюшкѣ и заслужить его милостивое благо расположеніе.

Будучи попечителями и попечительницами въ разныхъ пріютахъ и учрежденіяхъ, они такъ утѣшали дорогого пастыря, оказывая ему нужныя услуги при его нескончаемыхъ заботахъ о горемычной бѣднотѣ. Съ какой радостью они бы и все свои богатства и драгоценности поднесли бы пастырю! Но нѣтъ; пастырь былъ на неприкосновенномъ пьедесталѣ безсеребренника, онъ, не бравшій никогда даже за исповѣдь — рѣзко отвергалъ всякое приношеніе, а если и бралъ, вопросивъ Господа, нѣкоторыя суммы для бѣдныхъ то сейчасъ же раздавалъ все — многочисленнымъ горемыкамъ, которые цѣлыми коловіями ютились около него.

Вотъ чѣмъ и великъ былъ батюшка, что онъ старался богатыхъ сблизить съ бѣдными и тѣмъ составить великое христіанское общество взаимной помощи и состраданія.

Невозможно безъ слезъ бывало смотрѣть, какъ батюшка кланяется передъ какойнибудь сильной личностью, прося за несчастнаго главу семьи, который, давно лишившись мѣста и проживши послѣднія крохи, стоялъ на краю гибели. Еще нѣсколько бы дней такой безысходной крайности, — и несчастный бы неудачникъ съ отчаянія низрипудся бы въ пьянство и порокъ — но милость Божія послала ему покровителя — батюшку,

который спасъ его отъ погибели и поставилъ на твердую почву труда и порядочности.

Вотъ какова была знать, очищенная и воспитанная великими молитвами и мудростью батюшки.

Перейдемъ теперь къ духовнымъ лицамъ. Сослуживецъ батюшки Платонъ Андреевичъ Воскресенскій и семья его пользовались тоже неисчислимыми милостями батюшки. Отецъ Платонъ какъ то опасно заболѣлъ, такъ что требовалось немедленное созваніе консиліума.

Супруга его, Елизавета Васильевна, обратилась къ батюшкѣ, стала умолять его помочь ей мужу.

Батюшка сейчасъ же отозвался на ея горе, „И попрошу знакомую мнѣ докторшу Елену Петровну Веніаминову хорошенько разузнать о болѣзни Вашего мужа, и самъ приду навѣстить его“ — вотъ какъ утѣшилъ ее батюшка.

Батюшка вскорѣ же пришелъ къ отцу Платону, который въ то время жилъ на Воздвиженкѣ, на одномъ дворѣ съ батюшкой.

Подошедши къ больному, батюшка взялъ его за руку и сталъ пробовать пульсъ и, смотря на часы, опредѣлялъ его біеніе.

Послѣ чего онъ успокоилъ больного и жену его и просилъ переставить его кровать въ болѣе просторную комнату, чтобы было больше воздуха. Больной тутъ же почувствовалъ себя лучше, а въ скоромъ времени выздоровѣлъ и возобновилъ прерванное служеніе въ Соборѣ.

Жена же его тоже неоднократно пользовалась великой помощью и силой исцѣленія отъ батюшки.

Однажды тяжкая внутренняя болѣзнь совершенно уложила ее въ постель и истощила ея силы.

Узнавъ объ ея болѣзни, батюшка прислалъ сказать ей, чтобы она дожидалась докторшу Веніаминову, которая своей опытностью въ такихъ болѣзняхъ можетъ быть ей полезной.

Но матушка, окрыленная духомъ вѣры и надежды на помощь свыше, рѣшается, не дожидаясь докторши, поѣхать въ Соборъ. Что же велика сила вѣры! При такомъ достойномъ рѣшеніи болѣзнь вдругъ прекращается, только страшное слабосиліе еще не позволяетъ матушкѣ свободно дѣйствовать и двигаться!

Кое—какъ съ великими усиліями на другой день утромъ она встаетъ, собирается въ Соборъ. Батюшка повидимому крайне изумленъ и полусердито пробираетъ ее: „На Васъ матушка лица нѣтъ, а Вы явились сюда.“

„Я очень соскучилась по храмѣ и больше не могла оставаться дома“ отвѣтила матушка.

Батюшка сейчасъ же взялъ ее на исповѣдь, и Господь удостоилъ ее приобщиться Святыхъ Таинъ, послѣ чего она почувствовала себя очень хорошо, и слабая, но оживленная духомъ благодати Божьей она въ подкрѣпленіе своей вѣры и надежды на всесильную помощь Божью, услышала, что батюшка въ проповѣди помянулъ, какъ истинные христіа-

не дорожатъ храмомъ Божьимъ, какъ стремятся въ него даже съ одра болѣзни и по вѣрѣ своей получаютъ въ немъ чудесное исцѣленіе.

Замужняя дочь ихъ Екатерина Платоновна тоже получила исцѣленіе. Она опасно занемогла и, когда мать попросила батюшку помолиться объ ней, то батюшка текстомъ отвѣтилъ: „болитъ ли кто изъ васъ, да призоветь пресвитера“...

Но, будучи уже нѣсколько лѣтъ духовной дочерью батюшки, она не хотѣла прибѣгать къ другому пастырю и, возложивъ все свое упованіе на Господа, рѣшилась дожидаться возможности побывать въ Соборѣ и приобщиться Святыхъ Таинъ у батюшки.

Что же! Черезъ нѣсколько времени привезли ее въ Соборъ, совсѣмъ слабую, больную. Батюшка приобщилъ ее Божественныхъ Таинъ, и она постепенно стала крѣпнуть и выздоравливать.

Священникъ дорогомилловской церкви отецъ Илья тоже очень чтилъ батюшку. И когда съ нимъ случился внезапный ударъ, то врачи считали его безнадежнымъ. Ожидался вторичный ударъ и смерть.

Но родные его прибѣгли къ батюшкѣ, прося его святыхъ молитвъ, послѣ чего больной хотя и не получилъ полнѣйшаго исцѣленія, но избѣжалъ смертельной опасности и, довольно долго проживъ еще на землѣ, мирно отошелъ ко Господу уже послѣ кончины батюшки.

Бывшій дьяковъ церкви „Взысканія погибшихъ“, что въ Палашевскомъ переулкѣ, — Дмитрій Репскій, нынѣ священствующій въ той же церкви, опасно занемогъ горловой чахоткой. Жена его обратилась къ батюшкѣ, и болѣзнь прошла безслѣдно.

Выставивъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, почитавшихъ и благословлявшихъ батюшку, церейду къ обыкновеннымъ безчисленнымъ семьямъ его пастырскаго благодатнаго покровительства. Во главѣ ихъ стоитъ семья Рыбаковыхъ, состоящая изъ вдовы—матери и ея сыновей и дочерей.

Семья эта, особенно выхоленная и воспитанная батюшкой, своей непрекословной преданностью и великимъ благоговѣйнымъ послушаніемъ особенно отличалась пастыремъ среди его духовныхъ дѣтей. Высоко-воспитанная дѣвушка—дочери, съ великимъ трепетомъ подходившія къ батюшкѣ, — были олицетвореніемъ чистоты, духовной прелести и въ то же время истиннаго христіанскаго смиренія.

Тайная благотворительность матери особенно радовала батюшку осуществленіемъ его завѣтныхъ думъ, чтобы богатство сострадало бѣдности.

Вотъ и супруги Козновы.

Петръ Петровичъ Козновъ, бывшій церковный староста Архангельскаго Собора, пользовался тоже особенной милостью батюшкиной. Батюшка часто принималъ его и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ.

Супруга его, свѣтская, развитая барыня.

тоже часто прїѣзжала къ батюшкѣ и пользовалась расположеніемъ его дочерей.

Далѣе идутъ семейства: Вѣры Александровны Пупышевой, Александры Иваповны Ясувинской, Кащенко и другія—всеѣ они старались принести батюшкѣ посильную дань своей преданности, благоговѣнія и всеѣ видѣли на себѣ проявленіе его благодатной силы обновленія и исцѣленія.

Вотъ на примѣръ Николай Васильевичъ Комлевъ, еще не совсѣмъ увѣровавшій въ батюшку, вдругъ чудесно поднимается имъ на высоту истины и просвѣтленія. Опасная смертельная болѣзнь и безсознательное состояніе, близкое къ агоніи, чудеснымъ образомъ прекращаются благодатнымъ видѣніемъ, и измученная душевными страданіями за своего мужа супруга его вдругъ слышитъ отъ него слѣдующія знаменательныя слова: „Поля, Поля ты еще и не знаешь какъ великъ батюшка“. Она, сколько лѣтъ горячо чтившая батюшку, вдругъ оказывается ниже его стоящей въ понятіяхъ объ его величіи и совершенствахъ.

Глубочайшая безпредѣльная любовь и преданность къ пастырю украшаютъ ореоломъ духовной тишины и счастья его прежде шумную свѣтскую жизнь.

Вотъ и достойная супруга его Целагея Алексѣевна—мать христіанка, первая познавшая истину вѣры и своимъ самоотверженнымъ примѣромъ матери—героини спасающая мужа и дѣтей.

Какъ же было пастырю не любить и не награждать лаской ее за ея подвиги борьбы и страданія!

Какъ же ему было не укрѣплять ее своей пастырской благодатью и благословеніемъ, когда она часто изнемогала подъ тяжестью физическихъ и душевныхъ страданій. И вотъ сердечные припадки стали очень беспокоить ее и грозили опасностью. Наконецъ больная слегла. Испуганный мужъ, конечно, сейчасъ же призвалъ медиковъ, но они, по сложности и опасности болѣзни, не могли улучшить тяжкое безнадежное состояніе больной. Тогда дочь ея бросилась на домъ къ батюшкѣ.

И хотя батюшка самъ былъ больной и слабый, но утѣшилъ измученную дѣвушку обѣщаніемъ помолиться за ея маму. Что же! Больная чувствуетъ облегченіе и, до тѣхъ поръ будучи не въ состояніи даже проглатывать пищу, начинаетъ мало по малу кушать и поправляться.

Сынъ ихъ Леонидъ, слабый и болѣзненный, страдавшій прежде головными болѣзнями, росъ хилымъ малосильнымъ ребенкомъ.

На скамьѣ комиссаровскаго училища, при довольно серьезныхъ занятіяхъ, онъ окончательно сталъ терять послѣдвія силы, и вотъ наконецъ пошатнувшееся здоровье быстро стало переходить въ грозную чахотку, готовую похитить мальчика отъ горячо любящихъ его родителей. Это было весною 1906 года.

Но мать, какъ орлица, не могла отдать смерти своего ребенка; она обратилась къ своему дорогому покровителю—батюшкѣ и силой своей материнской любви стала молить его упросить Господа не брать ея дѣтище. Батюшка быстро откликнулся на скорбь матери. Онъ посовѣтовалъ имъ поѣхать на дачу на лѣтвій воздухъ. Послѣ чего больной получилъ исцѣленіе.

Но родители конечно понимали, что не дача и не свѣжій воздухъ спасли ихъ сына—а благодатная помощь и состраданіе батюшки.

Вотъ и семья Илларионовыхъ! отецъ; мать, еще довольно молодая женщина и 11 человекъ дѣтей.

Прежде ихъ было 9, такъ, что батюшка ихъ называлъ 9 чиновъ ангельскихъ. Крошечныя малютки едва только начинали лепетать, а ужъ слышали имя батюшки и поминали его на молитвѣ. Какъ отрадно было смотреть, когда мать приведетъ бывало своихъ дѣтокъ въ Соборъ къ батюшкѣ. И съ какой любовью ласкаетъ бывало ихъ батюшка, одѣляетъ гостинцами и деньгами.

Но вотъ самый маленькій мальчикъ Серафимъ, вѣроятно, отъ недоглядки няньки, вдругъ сталъ получать сильную сутуловатость спины, Мать съ ужасомъ слѣдила, какъ маленькій уродливый горбикъ замѣтно прибавлялся.

Что тутъ было дѣлать?

Одна надежда на помощь батюшки. И вотъ спѣшитъ она къ батюшкѣ и съ рыданіями

молить его помочь ея горю. Батюшка утѣшаетъ ее, благословляетъ.

И что же! мало по малу ребенокъ выпрямляется и теперь растетъ полненькимъ здоровымъ мальчикомъ безъ всякихъ признаковъ горбатости.

И вообще всѣ дѣти ея чудесно видѣли на себѣ великое милосердіе Божіе по молитвамъ дорогого пастыря. Такъ напр. одна изъ меньшихъ дочерей ея получила сильныя обжоги лица, которые могли изуродовать лицо, но она отдѣлалась только испугомъ, другія дѣти тоже нерѣдко заболѣвали, но помощь батюшки постоянно охраняла ихъ и служила наградою матери за ея горячую вѣру и надежду на всеильное милосердіе батюшки. О сколько было такой мелкоты, у батюшки! Невозможно описать, съ какой пѣжностью бывало принимаетъ батюшка младенца, принесеннаго матерью, по его разрѣшенію, въ 40-ой день во храмъ. Какъ бережно несетъ онъ мальчика въ алтарь, а дѣвочку прикладываетъ къ святымъ иконамъ и, освятивъ, отдаетъ матери.

Да съ какою неудержимой любовью стремились всѣ дѣтки къ батюшкѣ, ихъ чистыя души скорѣе могли воспринять его благодатныя лучи и наслаждаться обиліемъ его совершенствъ, вотъ почему батюшка не смотря на крайнюю усталость и изнеможеніе, не отгонялъ ихъ отъ себя, а ласкалъ и цѣловалъ ихъ, какъ самыхъ любимыхъ дѣтокъ своихъ, а въ особенности сиротки возбуждали всегда

жалость его и состраданіе, своими пѣжными заботами онъ вполнѣ замѣнялъ близкихъ и родныхъ.

Вотъ 2 сиротки—дѣвушки Вѣра и Катя Егоровы. Узнавши батюшку, онѣ быстро переродились: изъ свѣтскихъ пышныхъ барышень онѣ сдѣлались скромными духовными дѣвушками, озаренными духовной благодатию вѣры и молитвы. Простенькія платица прически—все свѣдѣтельствовало, что суетность, пошлость отринута ими и замѣнена серьезностью и дѣловитостью. Не имѣя надежнаго крова, онѣ были пристроены батюшкой къ одной фельдшерницѣ, которая по просьбѣ батюшки, съ радостью взяла ихъ къ себѣ и нянчилась съ ними, какъ съ родными дѣтьми.

Но вотъ младшая изъ нихъ, серьезно занемогла чахоткой, которая сразившихъ ее родныхъ, явилась за своей жертвой и грозно отнимала ее отъ жизни. Но батюшка пожалѣлъ ея молодые годы и сталъ молить Господа продлить ея жизнь, которая, украшенная прочной основой вѣры и нравственности, могла послужить отрадой и облегченіемъ для другихъ. Онъ сталъ часто брать ее на исповѣдь и, приобщая Святыхъ Божественныхъ Таинъ, исцѣлилъ ее отъ болѣзни и сдѣлалъ ее достойной христіанкой—труженицей съ принципами вѣры и нравственности.

Не мало такихъ сиротинокъ—дѣвушекъ было на отеческомъ попеченіи батюшки!

Вотъ напр. Елизавета Михайловна Цвѣткова случайно вѣрнула изъ Тулы, но, уз-

навѣ про батюшку и озарившись свѣтомъ его благодати, она по евангельской заповѣди оставила родныхъ своихъ и всецѣло посвятила себя на служеніе Богу.

Батюшка, свято охраняя права родителей, долго не разрѣшалъ ей жить въ Москвѣ, но, видя ея стойкость и великую жажду духовнаго совершенствованія, онъ наконецъ милостиво принялъ ее въ свое духовное стадо.

Сколько чудесъ и благодѣній батюшки удостоилась она увидать въ своей сиротливой жизни въ чужомъ незнакомомъ городѣ. Батюшка разрѣшилъ ей жить на дачѣ и пользоваться деревенскимъ раздольемъ въ мѣстности своего лѣтняго пребыванія.

Слабая и болѣзненная отъ природы она весной 1901 года вдругъ стала быстро таять и изнемогать. Болѣзнь подкрадывалась къ ней неслышными шажками и готовилась унести ее въ невѣдомый міръ.

Вотъ уже и кашель—вѣстникъ приближенія печальнаго конца не давалъ ей покою. Жалко было смотрѣть на ея угасающую молодость, на ея безсиліе и беспомощность. Но батюшка зорко слѣдилъ за ней. Давъ ей понять неизбежность близкаго разставанія съ жизнью, онъ тѣмъ самымъ хотѣлъ воспламенить ея вѣру и надежду на чудесную помощь и всемогущество Божіе. Только при сознаніи своего полнѣйшаго ничтожества, своего полнѣйшаго недостойнства можетъ извести на себя человекъ благодать и милосердіе Господа. Убѣдившись въ великой

опасности и неизбежности быстрого разставанія съ жизнью Елиз. Михайл. всей силой своей чистой, горячей души обратилась ко Господу, Милосердому Владыкѣ Царю и, вполне признавая батюшку милостивымъ ходатаемъ за нее передъ Господомъ, дѣтски—довѣрчиво надѣялась, что онъ не дастъ ей погибнуть и спасетъ ее. И надежда не постыдила ее. Батюшка пожалѣлъ ее, что она, такъ мало поживъ духовной жизнью, отойдетъ въ вѣчность, и умолилъ онъ Господа продлить ея жизнь на радость ея любящей матери. Здоровье ея поправилось, и она принялась за прежнія занятія.

Потомъ вторично она была опасно больна въ 1906 году—крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. Болѣзнь приняла смертельный характеръ. Больная не вставала и быстро угасала.

Пріѣхавшая мать съ отчаяніемъ смотрѣла на приближеніе смерти къ ея дочери. Батюшка, извѣщенный о ея болѣзни, велѣлъ ей на дому пріобщиться, послѣ чего больная почувствовала себя лучше и стала выздоравливать.

Мать ея Наталія Александровна тоже нѣсколько разъ чудесно выздоравливала по молитвамъ батюшки. Вызываемая въ Тулу къ умирающей матери, Елиз. Мих. каждый разъ обращалась къ батюшкѣ съ просьбой помолиться за маму, послѣ чего вскорѣ же получалось облегченіе и выздоровленіе. Сестра ея Анна Михайловна страдала внутренней болѣзнию и пріѣзжала въ Москву для

медицинскаго врачевства, и каждый разъ и ей дорогой молитвенникъ батюшка источалъ свою благодатную помощь и исцѣленіе. Другая ея сестра Любовь Михайловна скончалась въ довольно молодыхъ годахъ, и вотъ, когда, получивъ телеграмму о смерти сестры Елизавета Михайловна, пошла къ батюшкѣ просить его помолиться за усопшую сестру, батюшка общалъ ей, а потомъ сказалъ: „такъ это она выпче приходила ко мнѣ“, показывая тѣмъ свое таинственное общеніе съ усопшими, нуждающимися въ его молитвенной помощи.

А вотъ и другая дѣвушка—Варвара Петровна Колпакова, очень чтившая батюшку, постоянно присутствовавшая за его службами, получила на себѣ великое проявленіе его силы и благодати.

Какъ то она отравилась рыбой и находилась въ большой опасности. Пріѣхавшій докторъ, видя несомнѣнные признаки отравы, сомнительно покачалъ головой, такъ какъ больная уже почернѣла.

Сейчасъ же обратились къ батюшкѣ, онъ прислалъ свою фельдшерицу, которая первымъ дѣломъ приложила къ больной привезенный съ собой батюшкинъ образокъ.

Почувствовавъ прикосновеніе святыни, больная сейчасъ же пришла въ себя, сама приложилась къ образу, выпила батюшкиной богоявленской святой воды и благодатно исцѣлилась.

Семья Новиковыхъ, состоящая изъ вдовы—матери и троихъ взрослыхъ дочерей, тоже

глубоко чтяла батюшку, и сама мать, как истинная христіанка съ великой вѣрой отошла въ вѣчность. Замужняя дочь Ольга Гавриловна Жуковская часто страдала сильными внутренними болями, которыя батюшка успокаивалъ и облегчалъ своими святыми молитвами. Марья Степановна, живущая съ ними, страдала сильной болѣзвью бока, и чудомъ осталась жива, по великимъ молитвамъ пастыря.

Марья Григорьевна Вежелевская, живущая прежде Воздвиженкѣ въ близкомъ сосѣдствѣ съ батюшкой, имѣла счастье много разъ видѣть его у себя въ своей квартиркѣ.

Ей угрожала слѣпота, которую батюшка отвелъ отъ нея своими великими молитвами.

Екатерина Николаевна Мизикина, живущая прежде въ Нѣмчиновкѣ, дачномъ мѣстопребываніи батюшки, чудесно спасалась имъ нѣсколько разъ отъ чахотки, которая сильно заявляла о себѣ опаснымъ кровохарканьемъ. Потомъ зубныя страданія были настолько сильны, что не давали ей покою ни днемъ, ни ночью, и наконецъ помощью великаго пастыря она получила облегченіе и исцѣленіе.

Марья Николаевна Никитина исцѣлилась отъ чахотки, которая несомнѣнно признана была врачами и грозила ей смертью.

Живописецъ Александръ Павловичъ страдалъ нервнымъ разстройствомъ, но по молитвамъ батюшки былъ приведенъ въ нормальное здоровое состояніе.

Сестры Дементьевы Лукерья Ивановна и

Христина Ивановна, глубоко преданныя батюшкѣ, получали тоже не разъ чудесное выздоровленіе въ своихъ болѣзняхъ. Прасковья Александровна Смирнова подвергалась мучительнымъ рѣзкимъ опаснымъ болямъ, которыя утихали молитвенной помощью дорогаго пастыря.

Екатерина Макаровна Смирнова, живущая въ скромномъ домикѣ около церкви Казанской Божьей Матери, можетъ тоже засвидѣтельствовать о своихъ чудесныхъ исцѣленіяхъ по молитвамъ благого пастыря—покровителя.

Супруги Танины, подвергавшіеся прежде частымъ изнурительнымъ болѣзнямъ, всякій разъ были утѣшены милостивымъ вниманіемъ къ нимъ дорогаго батюшки, который присылалъ знакомую фельдшерицу Мѣшкову и тѣмъ снабжалъ ихъ нужными медицинскими услугами опытной и сострадательной особы, которая при своемъ знакомствѣ съ докторами доставляла имъ нужныя лѣкарства.

Самъ Прохоръ Васильевичъ Ганинъ лишился мѣста и находился въ бѣдственномъ положеніи съ многочисленной семьей, но великими щедротами батюшки онъ былъ избавленъ отъ крайности и наконецъ устроенъ батюшкой на приличное мѣсто въ Ліонскій Кредитъ.

Марья Александровна Ипатьева съ своими дочерьми не разъ испытывала дивную помощь отъ великаго пастыря.

Пелагея Афонасьевна Иванова (Пятницкая улица, Овчинниковскій переулокъ—картузное

заведенія д. Неврева), страждущая тяжелой болѣзью носа, сильно беспокоила этимъ своихъ родныхъ и близкихъ, доктора не могли опредѣлить болѣзни, но батюшка вступилъ своей благодатной помощью и привелъ лицо ея въ здоровое состояніе.

Марія Димитріевна Лисенко осталась рѣшительно безъ всякихъ средствъ съ 3-ми малолѣтними дѣтьми послѣ смерти мужа, но благодаря любвеобилію батюшки получила себѣ великое покровительство нѣкоторыхъ богатыхъ людей, которые и теперь даютъ ей возможность кормиться и обучать дочь Катю въ гимназій и сдѣлать ее надежной помощницей и кормилицей матери.

Семья Лащиповыхъ съ ея многочисленной родней видѣла такіа чудеса и благодѣянія батюшки, что сама бы могла составить обширныя записки его благодатныхъ дѣяній помощи и исцѣленій, за что она и чтитъ и благословляетъ его во всѣ дни своей жизни.

Семья Куманиныхъ, состоящая изъ матери и 4-хъ дочерей, осталась послѣ смерти отца въ безвыходномъ положеніи. Постоянно слабая и больная Марія Федоровна Куманина не могла прокормить своихъ малыхъ дочерей, и если бы не великое милосердіе Божіе, пославшее ей дивнаго покровителя батюшку, то страдать бы ей постоянно въ холодѣ и голодѣ. Батюшка неоднократно исцѣлялъ умирающую мать, поставилъ на ноги ея дочерей и всѣмъ доставилъ теперь трудъ и занятія. Всѣ дѣвушки, плохенькія и боль-

ныя прежде, превратились теперь въ цвѣтущихъ труженицъ, и одна изъ нихъ вышла замужъ за порядочнаго человѣка, остальные же покоятъ свою мать и доставляютъ ей безбѣдное тихое существованіе.

О дорогой незабвенный пастырь! Сколько безчисленныхъ семей, сколько бозчисленныхъ одиночекъ—и на всѣхъ ты одинъ съ своимъ благимъ устроеніемъ, благой защитой, благой милостью!

А несчастная горемычная бѣднота какъ благословляетъ она тебя—никому неужная, всѣми презрѣнная, всѣми отверженная! Она видѣла въ тебѣ такую неслыханную любовь и ласку, что вся, измученная и придавленная прежде, она опять начинала оживать и приспособливаться къ труду и полезной дѣятельности!

Какой нибудь несчастный нищій, бѣгающій съ ручкой за милостыней, оборванный, голодный, холодный поднимался батюшкой на высоту порядочнаго, труженика—христіанина съ горячей вѣрой и любовью къ Господу, съ жаждой добра и пользы. Какая нибудь пропадающая погибающая душа—порока, окунувшаяся въ омутъ грязи и презрѣнія, вдругъ возставала въ чистотѣ и цѣломудріи и удивляла всѣхъ своей духовной красотой.

Одна напримѣръ, бѣдная дѣвушка, брошенная судьбой на скитальчество и одиночество, была устроена батюшкой за приличнаго человѣка, сдѣлалась богатой состоятельной купчихой.